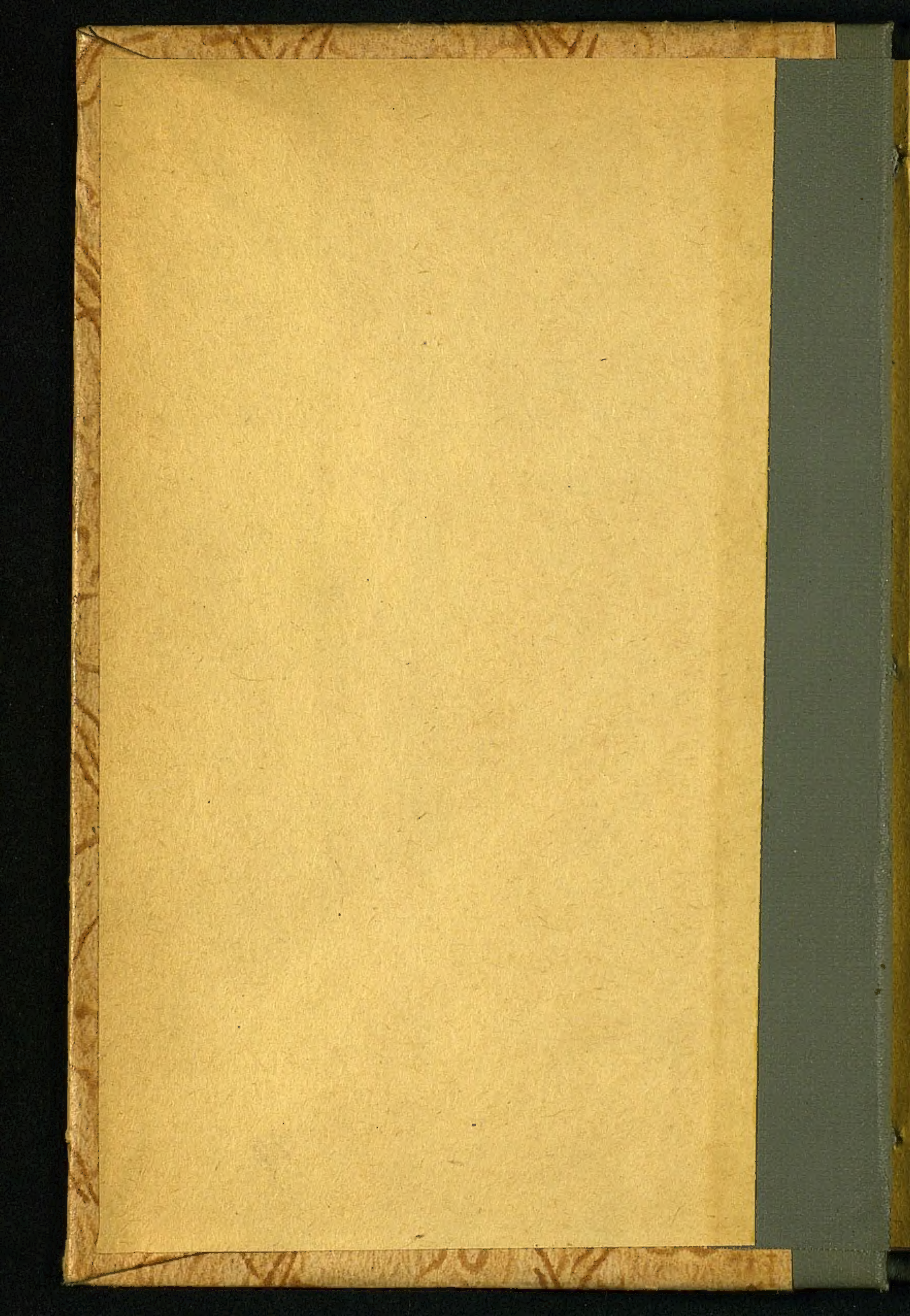

Организованныя преступленія германской арміи

Перевелъ съ французскаго

Н. М. Лаговъ

Цѣна 75 коп.

Складъ изданія у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО
КОМИССІОНЕРА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
Петроградъ, Колокольная, 14
1915.

Организованныя преступленія германской арміи

Б. Н. Киппович.

Оффиціальный докладъ особой правительственной комиссіи, производившей слѣдствіе о преступленіяхъ противъ обычнаго права, совершенныхъ германской арміей на территоріи временно занятыхъ ею департаментовъ сѣверо-восточной Франціи.

Полный переводъ съ французскаго
Н. М. ЛАГОВА.

Складъ изданія у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО
КОМИССІОНЕРА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
Петроградъ, Колокольная, 14.
1915.

3991.

Типографія В. Безобразовъ и К°, В. О., Большой пр., 61.

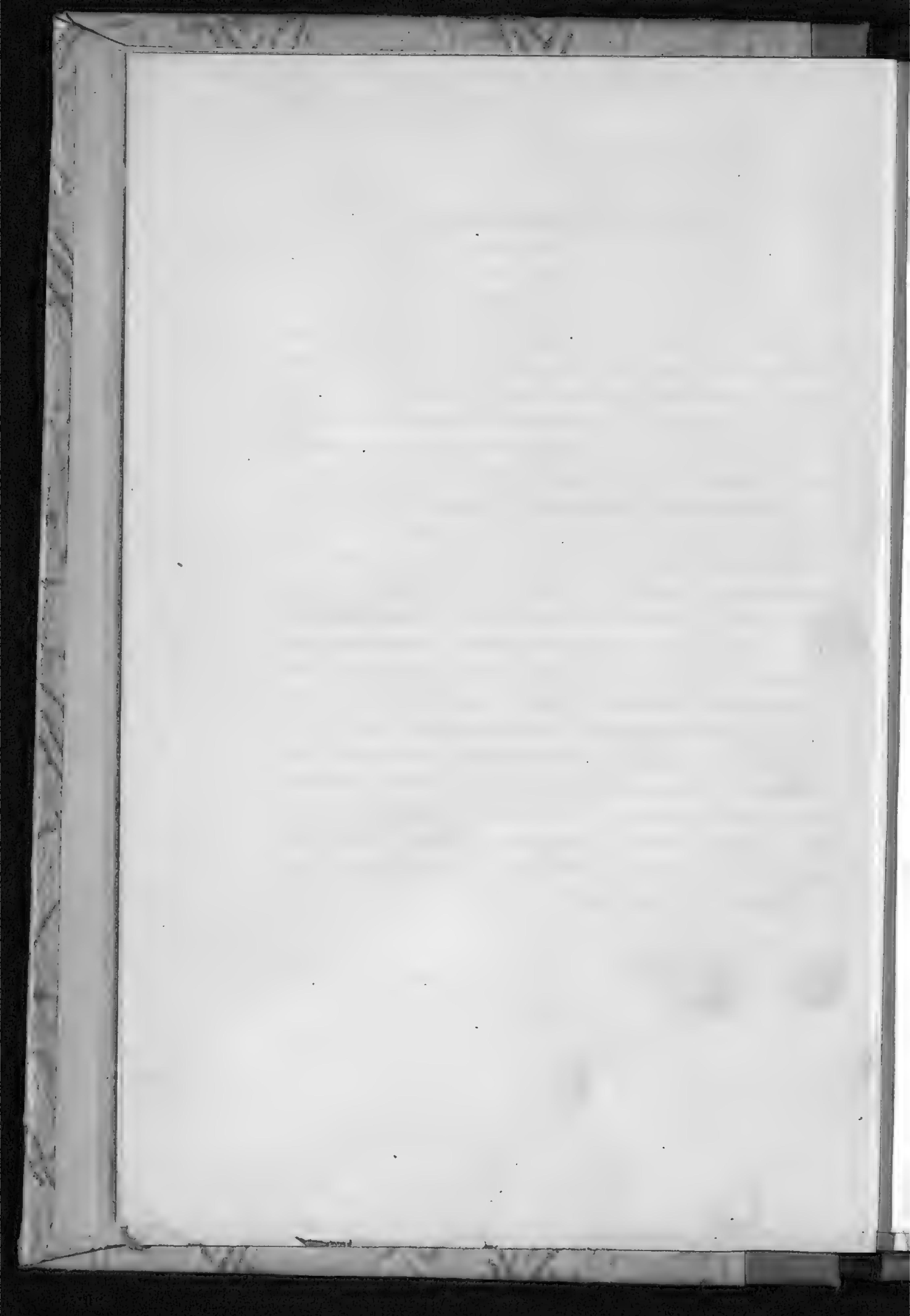
ОГЛАВЛЕНІЕ

Отъ переводчика

Сентябрьская побѣда французовъ на Марнѣ отбросила нѣмецкія полчища на сотню километровъ назадъ; французскія войска послѣ этого непреодолимой стѣной заградили собою очищенные отъ нѣмцевъ департаменты родной земли; вернулись мѣстныя власти; вернулись на свои пепелища разсѣянные жители. И то, что они нашли у себя по уходѣ нѣмцевъ, представляло собою картину такого опустошенія и носило слѣды такихъ звѣрствъ, подобныхъ коимъ нельзя найти на протяженіи всей современной исторіи; когда же къ этимъ нѣмымъ свидѣтелямъ присоединились голоса пришедшихъ въ себя невольныхъ очевидцевъ всего здѣсь происходившаго подъ гнетомъ «культурныхъ» германцевъ, то изъ всего этого получилась такая, поистинѣ, ужасающая картина, которой до сихъ поръ не могло, отказывалось допустить самое смѣлое, даже самое разнузданное воображеніе. Для удостовѣренія всѣхъ этихъ регулярныхъ преступленій германской арміи, французскимъ правительствомъ снаряжена была особая комиссія, результаты работъ которой и изложены въ настоящемъ изданіи.

Петроградъ,
15/28—I—1915.

Н. М. Лаговъ.

Введеніе

«Оффиціальная Газета» французскаго Правительства опубликовала представленный президенту Совѣта Министровъ раппортъ спеціальной комиссіи, учрежденной для удостовѣренія учиненныхъ германцами на французской территоріи актовъ, противорѣчащихъ обычному праву; эта комиссія состояла изъ гг. перваго президента Контрольной Палаты Жоржа Пэйель; полномочнаго министра Армана Моляра; статскаго совѣтника Жоржа Марэнже и совѣтника Кассаціонной Палаты Эдмона Пайо.

Вотъ этотъ оффиціальный неопровержимый обвинительный актъ во всей своей полнотѣ и неприкосновенной подлинности.

Господинъ Президентъ Совѣта,

Будучи уполномочены, въ силу декрета отъ 23 минувшаго сентября, отправиться для производства на мѣстѣ дѣйствія слѣдствія, касательно нарушающихъ обычное право актовъ, учиненныхъ на занятыхъ непріятелемъ, но отвоеванныхъ республиканскими войсками, частяхъ французской территоріи, имѣемъ честь представить вамъ отчетъ о первыхъ результатахъ нашей миссіи.

Мы вамъ, господинъ Президентъ, доставляемъ здѣсь, уже обильный сборъ свѣдѣній, хотя сюда вошла лишь довольно ограниченная часть тѣхъ фактовъ, которые мы могли бы имѣть, если бы не подвергали строгой критикѣ и точной провѣркѣ каждый представлявшійся на наше изслѣдованіе освѣдомительный матеріалъ. Дѣйствительно, мы считали долгомъ выбирать лишь такіе факты, которые, будучи неопровержимо доказаны, составляли несомнѣннымъ образомъ явно преступныя злоупотребленія; и мы отвергали всѣ тѣ, подлинность которыхъ въ нашихъ глазахъ казалась недостаточной, а также и тѣ, которые при всей своей прискорбности и жестокости, могли возникнуть скорѣе на почвѣ чисто военныхъ дѣйствій, чѣмъ — самовольныхъ злоупотребленій непріятеля.

При этихъ условіяхъ мы питаемъ твердую увѣренность, что ни одинъ изъ приводимыхъ нами случаевъ не можетъ быть добросовѣстно оспариваемъ. Впрочемъ, доказательства ихъ заключаются не въ однихъ лишь нашихъ личныхъ изслѣдованіяхъ, но онѣ, главнымъ образомъ, основываются на фотографическихъ документахъ и на многочисленныхъ слѣдственныхъ, гарантированныхъ присягой показаніяхъ.

Задача, надъ которой мы всѣ четверо работали въ тѣсномъ общеніи впечатлѣній и чувствъ, намъ часто казалась тяжелой при видѣ тѣхъ печальныхъ зрѣлищъ, которыя проходили предъ нашими глазами. И она, поистинѣ, была бы для насъ слишкомъ прискорбной, если бы мы не испытывали сильнаго утѣшенія при видѣ встрѣчаемыхъ нами на пе-

редовыхъ позиціяхъ чудныхъ войскъ, и въ пріемѣ насъ и всегда готовомъ благосклонномъ содѣйствіи со стороны военноначальниковъ, и при зрѣлищѣ изумительнаго населенія, съ самой достойной покорностью переносящаго свои безпримѣрныя бѣдствія.

Во всѣхъ, обслѣдованныхъ нами, мѣстностяхъ, въ особенности же, въ Лотарингской землѣ, которой такъ часто приходилось бывать жертвой бича войны, мы не слышали ни одной мольбы, ни одной жалобы; а, между тѣмъ, мучительно бѣдственное состояніе, очевидцами коего мы были, по своимъ размѣрамъ и ужасу превосходитъ всякое воображеніе. Взглядъ отовсюду встрѣчалъ лишь развалины; бомбардировкой или пожарами истреблены цѣлыя селенія; недавно полные кипучей жизни города теперь представляютъ собою безлюдныя груды развалинъ; и когда приходилось посѣщать эти опустошенныя мѣста, по которымъ прошелъ и сотворилъ свое дѣло факелъ войны, то постоянно приходится испытывать такое чувство, будто находишься среди развалинъ тѣхъ античныхъ городовъ, которые погибли отъ великихъ природныхъ катастрофъ.

Дѣйствительно, можно сказать, что ни одна еще война между цивилизованными націями не носила столь дикаго и свирѣпаго характера, какъ эта, которую внесъ на нашу землю безсердечный непріятель. Грабежи, воровство, поджоги и убійства для нашего противника обычное дѣло; эти факты, ежедневно доводимые до нашего свѣдѣнія, составляя явныя преступленія обычнаго права, караемыя въ самой строгой и порочащей мѣрѣ, законами всѣхъ

странъ, въ тоже время свидѣтельствуютъ объ изумительномъ упадкѣ германской нравственности съ 1870 года.

Покушенія на женщинъ и дѣвушекъ отмѣчаются въ поразительномъ изобиліи; мы ихъ установили огромное число, но оно представляетъ лишь ничтожное меньшинство сравнительно съ тѣмъ, что можно было бы раскрыть, такъ какъ жертвы этихъ отвратительныхъ покушеній по весьма понятнымъ чувствамъ, большею частью отказываются отъ признаній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такіе случаи были бы не столь многочисленны, если бы начальники арміи, дисциплина которой считается одною изъ самыхъ строжайшихъ, побезпокоились ихъ предупредить; строго говоря, ихъ, во всякомъ случаѣ, возможно считать отдѣльными и самовольными актами не знавшихъ удержа животныхъ; но этого же нельзя сказать про поджоги, воровство и убійства: за нихъ тяжкій отвѣтъ предъ человѣчествомъ понесетъ командный составъ, вплоть до самыхъ высокопоставленныхъ особъ.

Въ большинствѣ мѣстностей, гдѣ производилось наше слѣдствіе, мы имѣли возможность убѣдиться, что германская армія неизмѣнно проявляетъ самое полное презрѣніе къ человѣческой жизни, что ея солдаты и даже ея начальствующіе, не ставятъ себѣ въ преступленіе приканчивать раненыхъ, что они безжалостно убиваютъ беззащитныхъ жителей захваченныхъ ими мѣстностей и въ своемъ человѣконенавистническомъ безуміи не щадятъ ни женщинъ, ни стариковъ, ни дѣтей. Ужаснымъ примѣ-

ромъ тому служатъ избіенія въ Люнэвилѣ, Жербевилье, Номени и Санлисѣ.

Дальше, въ этомъ докладѣ, вы прочтете описанія избіеній, участія въ которыхъ не стыдились сами офицеры.

Умъ отказывается вѣрить, что бы всѣ эти избіенія совершались безъ всякаго основанія. А, между тѣмъ, это именно такъ. Правда, нѣмцы всегда выставляли къ тому одинъ и тотъ же предлогъ, утверждая, что первыми въ нихъ начали стрѣлять граждане. Но это утвержденіе лживо, и правдоподобнымъ его безсильны сдѣлать даже тѣ, которые на него ссылаются, и даже производя поблизости отъ селеній ружейные выстрѣлы, чтобы, по своему обыкновенію, имѣть возможность утверждать, что они сами подверглись со стороны того самаго беззащитнаго населенія, избіеніе или раззореніе котораго ими предрѣшено. Этому мы собрали многочисленныя доказательства; вотъ одно изъ числа многихъ: однажды вечеромъ, грянулъ выстрѣлъ въ тотъ самый моментъ, когда аббатъ Коленъ, кюрэ Круамара, находился рядомъ съ однимъ офицеромъ; при этомъ послѣдній воскликнулъ: «Вотъ этого, господинъ кюрэ, достаточно, чтобы приказать разстрѣлять васъ а равно и мэра да и сжечь какую нибудь ферму. Да, вотъ, одна и горитъ»—«Господинъ офицеръ,—отвѣтилъ кюрэ,—вы слишкомъ умны, что бы не узнать сухой выстрѣлъ вашего же ружья. Что касается меня, то я его узнаю». Нѣмецъ больше не настаивалъ.

Подобно человѣческой жизни, свобода людская въ глазахъ военныхъ германскихъ властей являет-

ся предметомъ достойнымъ полнѣйшаго презрѣнія. Почти отовсюду, граждане всѣхъ возрастовъ отрывались отъ своихъ очаговъ и уводились въ плѣнъ. Многіе изъ нихъ умерли или же были убиты во время пути.

Поджегъ еще болѣе убійствъ входитъ въ обычные пріемы нашего противника. Онъ сплошь да рядомъ примѣняется имъ то въ качествѣ орудія систематическаго опустошенія, то какъ средство устрашенія. Съ этой цѣлью германская армія снабжена цѣлымъ настоящимъ арсеналомъ, куда входятъ факелъ, горючія лучиновыя разжижки, наконецъ, сумка, наполненная особыми плитками изъ весьма воспламенимаго порошка. Ихъ поджигательскій азартъ, главнымъ образомъ, направленъ на храмы и на такіе монументы, которые представляютъ какой либо художественный или историческій интересъ.

Въ обслѣдованныхъ нами департаментахъ сожжены цѣлыя тысячи домовъ; хотя мы удостовѣряли своими протоколами лишь пожары, зажженные специально съ преступными цѣлями, и отнюдь не считали нужнымъ отмѣчать такіе, какъ бывшіе въ Війотъ-предъ-Люпи, въ Рэмберкурѣ, Моньевилѣ, Амбленкурѣ, Претцѣ, въ Люпи-лё-Шато и т. п., возникшіе во время жестокихъ боевъ отъ снарядовъ; а равно не говоримъ и о тѣхъ, причинъ происхожденія которыхъ невозможно было установить вполнѣ достовѣрнымъ образомъ, хотя кое-какіе жители, уцѣлѣвшіе среди развалинъ, на этотъ счетъ дѣлали намъ заслуживающія полнаго довѣрія показанія.

Что касается воровства, то наши протоколы слѣдовали непрерывно, и мы безъ колебаній говоримъ, что гдѣ бы не проходила непріятельская армія, она всюду предавалась въ присутствіи своего начальства, а нерѣдко и при его участіи, методически организованному грабежу. Всѣ погреба были опустошены до послѣдней бутылки; несгораемые шкафы были вскрыты и значительныя суммы денегъ похищены или отняты; огромное количество серебра и драгоцѣнностей, а равно картинъ, обстановки, художественныхъ произведеній, бѣлья, велосипедовъ, женскихъ платьевъ, швейныхъ машинъ, вплоть до дѣтскихъ игрушекъ—послѣ ограбленія сложено было въ фургоны и двинуто по направленію къ границѣ. . . . .

Никакой управы противъ всѣхъ этихъ насилій и преступленій не было; а если какой-нибудь несчастный обитатель осмѣливался просить офицера вступиться для спасенія чьей-нибудь жизни или огражденія имущества, то въ отвѣтъ получалъ, если не угрозы, то неизмѣнную фразу, сопровождаемую улыбкой, въ томъ смыслѣ, что всѣ эти самыя жестокія бѣдствія являются роковымъ послѣдствіемъ войны.

Сэна-и-Марна

Какъ это вамъ уже извѣстно изъ чтенія протоколовъ, копію которыхъ мы доставили раньше, первое наше обслѣдованіе начато было съ департамента Сэны-и-Марны. Противъ непріятельской арміи мы собрали здѣсь показанія о множествѣ нарушеній военнаго права и о преступленіяхъ противъ обычнаго права; при чемъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ отличаются своимъ тяжкимъ характеромъ.

Въ Шоконэнѣ нѣмцы, при помощи особыхъ гранатъ, заброшенныхъ на крыши и подсунутыхъ подъ двери просмоленныхъ лучинокъ, подожгли пять жилыхъ домовъ и шесть зданій для земледѣльческаго хозяйства. На вопросъ нѣкоего Ляgranжа о причинахъ подобныхъ дѣйствій, офицеръ просто отвѣтилъ: «на то и война», затѣмъ онъ принудилъ этого же человѣка указать ему мѣстонахожденіе одного имѣнія, извѣстнаго подъ названіемъ «Профитъ». Нѣсколько минутъ спустя это имѣніе уже пылало.

Въ Конжисѣ непріятельскій отрядъ собирался сжечь два десятка домовъ и уже разбросалъ для этого въ нихъ солому и облилъ все керосиномъ, но прибытіе французскаго отряда помѣшало осуществленію этого замысла.

Въ Паншарѣ, гдѣ было подожжено три дома, нѣкая Маріусъ-Рэнэ видѣла солдата, снабженнаго факеломъ, прикрѣпленнымъ къ его поясу и повидимому составлявшимъ часть его снаряженія.

Въ Барси одинъ офицеръ и солдатъ забрались въ мэрію и, отнявъ у учителя всѣ одѣяла, подожгли архивную комнату.

Въ Дуи-ля-Рамэ нѣмцы сожгли одну мельницу, о мѣстонахожденіи которой они разспрашивали въ окрестностяхъ. Одинъ рабочій шестидесяти лѣтъ едва не былъ брошенъ въ огонь. Угрожавшей ему участи ему удалось избѣгнуть лишь цѣною того, что онъ сильно сопротивлялся и держался за стѣну. Наконецъ въ Куртаконѣ непріятель предварительно потребовалъ отъ обитателей доставить ему спичекъ и разжижекъ, затѣмъ облилъ большое число домовъ керосиномъ и поджогъ ихъ. Селеніе представляетъ собою теперь печальныя развалины.

На ряду съ этими покушеніями на имущества, мы выяснили въ томъ же департаментѣ и множество тяжкихъ преступленій противъ личности.

Какой-то нѣмецкій кавалеристъ однажды, въ началѣ сентября, часовъ около пяти дня, явился къ нѣкоему Ляфорэ, жителю Мэ-анъ-Мюльсьянъ, и попросилъ у него пить. Тотъ поспѣшилъ пойти и нацѣдить ему изъ бочки вина, но солдатъ, видимо, недовольный тѣмъ, что ему не такъ скоро подали, выпалилъ изъ ружья въ жену хозяина и тяжело ее ранилъ. Г-жу Ляфорэ доставили въ Ливри-на-Уркѣ, гдѣ ей оказалъ помощь нѣмецкій докторъ; ей пришлось отнять лѣвую руку. Недавно она скончалась въ госпиталѣ въ Мо.

Убійство старика.

8. сентября восемнадцать жителей Варэдъ, и въ ихъ числѣ кюрэ, безъ всякаго повода были арестованы и уведены непріятелемъ. Троимъ изъ нихъ удалось бѣжать. Изъ остальныхъ же никто еще не вернулся до 30 сентября, когда мы производили наше слѣдствіе. По собраннымъ же свѣдѣніямъ трое изъ этихъ людей были убиты. Во всякомъ случаѣ смерть одного изъ нихъ и самаго пожилого,— нѣкоего семидесятитрехлѣтняго Журдэна установлена вполнѣ. Дотащившись до деревушки Куломбъ и не будучи въ состояніи идти дальше, этотъ несчастный былъ убитъ ударомъ штыка въ голову и револьвернымъ выстрѣломъ въ сердце.

Около этого же времени нѣмцы потребовали отъ нѣкоего шестидесятилѣтняго человѣка, по фамиліи Далисье, изъ мѣстечка Конжисъ, вручить имъ его кошелекъ. И когда не смогъ имъ дать денегъ, то былъ связанъ возжами и безжалостно разстрѣлянъ. На трупѣ его найдены слѣды отъ пятнадцати пуль.

3 сентября въ Мари-на-Марнѣ нѣкій Мать, испугавшись вступленія германскихъ войскъ, спрятался за прилавкомъ распивочнаго заведенія. Будучи найденъ въ своемъ тайникѣ, онъ былъ убитъ ударомъ ножа или штыка въ грудь.

Въ Санси-ле-Провэнсъ 6 сентября, около 9 часовъ вечера, человѣкъ приблизительно восемьдесятъ были произвольно арестованы и заперты въ овчарнѣ. На утро, по приказанію офицера, чело-

вѣкъ тридцать изъ нихъ отведены были на 5 километровъ отъ деревушки, къ ригѣ Пьерлеза, гдѣ помѣщался нѣмецкій Красный Крестъ. Тутъ главный врачъ обратился къ своимъ раненымъ съ нѣсколькими словами, и тѣ, съ совершенно очевидной цѣлью, немедленно зарядили четыре ружья и два револьвера. Бывшій тутъ же одинъ раненый въ руку и взятый въ плѣнъ французскій гусаръ обратился къ священнику съ просьбой объ отпущеніи грѣховъ, говоря: «Меня сейчасъ разстрѣляютъ, а затѣмъ придетъ и вашъ чередъ». Исполнивъ эту просьбу солдата, кюрэ разстегнулъ свое полукафтанье и сталъ между мэромъ и другимъ своимъ односельчаниномъ у стѣны, вдоль которой выстроены были всѣ заложники; но въ этотъ моментъ неожиданно появилось двое конныхъ егерей французской арміи, и нѣмецкіе врачи вмѣстѣ съ персоналомъ ихъ госпиталя сдались этимъ кавалеристамъ, къ которымъ присоединился и гусаръ.

Отвѣтственность старшаго начальства.

Что бы выяснить въ этомъ дѣлѣ виновность высшаго командного состава, любопытно отмѣтить, что учитель изъ Санси, когда его уводили вмѣстѣ съ другими, упросилъ помѣщавшагося у него генерала фонъ Дутага и былъ оставленъ на свободѣ.

6-го числа того же мѣсяца, одинъ отрядъ, принадлежавшій, повидимому, къ императорской гвар-

дін, сжегши часть домовъ мѣстечка Куртаконъ, увелъ съ собою въ поле пятерыхъ взрослыхъ и одного подростка 13 лѣтъ и все время перестрѣлки держалъ ихъ подъ огнемъ французовъ. На территоріи той же коммуны, арестованъ былъ одинъ рекрутъ 1914 г., по фамиліи Эдмонъ Русо, который провинился только тѣмъ, что по своему возрасту признанъ былъ подлежащимъ призыву подъ знамена, и онъ былъ убитъ при самыхъ трагическихъ обстоятельствахъ.

Находившійся въ числѣ заложниковъ мэръ, на запросъ касательно положенія этого молодого человѣка въ отношеніи военной службы, отвѣтилъ, что Русо прошелъ рекрутское освидѣтельствованіе и былъ признанъ годнымъ для военной службы, но что его призывъ пока еще взятъ не былъ. Тогда нѣмцы заставили плѣнника раздѣться, и, убѣдившись въ его физическомъ состояніи, приказали надѣть шаровары и разстрѣляли его въ 50 метрахъ отъ его соотечественниковъ.

Городъ Куломье сожженъ былъ до тла. Въ большей части покинутыхъ домовъ забрано было все серебро, бѣлье, обувь и множество велосипедовъ и все это было нагружено на автомобильные фургоны. Занятіе города длилось съ 5 по 7 сентября. Наканунѣ выступленія нѣмцевъ, ими арестованы были безъ всякаго повода мэръ и прокуроръ республики, которымъ какой-то офицеръ нанесъ грубое оскорбленіе. Оба эти лица, вмѣстѣ съ секретаремъ мэріи, задержаны были до слѣдующаго утра. На ночь при прокурорѣ оставлены были часовые, которые

старались смысломъ своихъ взаимныхъ разговоровъ внушить ему, что, казнь его неизбѣжна.

Въ Куломье вообще убѣждены, что многія мѣстныя женщины подверглись преступнымъ покушеніямъ; но совершенно точнымъ образомъ установленъ только одинъ такой случай. Жертвою его оказалась одна приходящая прислуга, г-жа... Какой то нѣмецкій солдатъ явился къ ней около девяти съ половиной часовъ вечера 6 сентября; мужа ея онъ удалилъ подъ предлогомъ просьбы пойти позвать одного изъ его товарищей, а затѣмъ, несмотря на присутствіе двухъ малыхъ дѣтей, попытался изнасиловать молодую женщину; услышавъ зовъ послѣдней, мужъ ея поспѣшно вернулся, но ударами ружейнаго приклада былъ выгнанъ въ сосѣднюю комнату, дверь которой оставлена была открытой; а женщинѣ пришлось подвергнуться крайнему насилію, совершенному почти на глазахъ ея ошеломленнаго мужа, который не посмѣлъ вступиться за нее и лишь старался успокоить напуганныхъ дѣтей.

Одна женщина въ Санси-ле-Провэнсъ и другая—въ Бэтэнъ-Базошъ, тоже сдѣлались жертвами такихъ же насилій. Одной пришлось подчиниться вожделѣнію солдата, когда ей приставили револьверъ къ груди; а другую изнасиловали вопреки ея сопротивленію и въ присутствіи ея трехлѣтней дочери. Мужья обѣихъ этихъ женщинъ мобилизованы съ самаго начала войны.

6 сентября въ Герарѣ, гдѣ двое рабочихъ, по фамиліи Мэтріе и Дидло, пали на аванпостахъ, непріятель захватилъ шестерыхъ заложниковъ; и

изъ нихъ лишь одному удалось спастись и вернуться назадъ.

Въ Мопертюи въ тотъ же день четверо нѣмцевъ, которые уже заходили утромъ къ нѣкоему Роже, снова возвратились къ нему въ два часа пополудни. «Васъ было трое сегодня утромъ, а теперь—только двое; выходите!» —проговорилъ одинъ изъ нихъ. И вслѣдъ затѣмъ самъ Роже и одинъ укрытый имъ эмигрантъ, по фамиліи Дэнэ, были арестованы и уведены. На утро же жена Роже нашла на выѣздѣ изъ деревни трупъ своего мужа, сраженнаго двумя пулями. Дэнэ тоже былъ разстрѣлянъ. Трупъ его найденъ былъ нѣсколько времени спустя, но въ состояніи такого разложенія, что невозможно было установить, какого рода раны получилъ этотъ несчастный.

По близости отъ той же коммуны, арестованы были сторожъ фермы Шанбрисэ, по фамиліи Фурнье, и вмѣстѣ съ нимъ швейцарскій гражданинъ по фамиліи Кнэлль. Нѣмцы ихъ обоихъ увезли въ фургонѣ въ Водуа и тамъ убили. Той же участи подвергся житель Вуанъ, по фамиліи Картье. Онъ захваченъ былъ нѣмцами, когда проѣзжалъ на велосипедѣ невдалекѣ отъ Водуа; они осмотрѣли его сакъ и нашли въ немъ револьверъ. Картье, безъ малѣйшаго сопротивленія, самъ протянулъ имъ свое оружіе. Ему завязали глаза и тутъ же разстрѣляли.

Убійство двухъ людей.

8 сентября въ Саблоньерѣ, гдѣ происходилъ всеобщій грабежъ, нѣкій Дэлетръ, во время сраженія укрылся подъ небольшимъ мостомъ, но найденъ былъ тамъ однимъ нѣмецкимъ солдатомъ и раненъ пятью выстрѣлами изъ ружья. Онъ скончался въ теченіе дня.

Въ той же мѣстности, нѣкій Жюль Грифо, шестидесяти шести лѣтъ отъ роду, мирно пасъ въ огородѣ своихъ коровъ, когда въ 150 метрахъ проходилъ германскій отрядъ. Одинъ, изъ отставшихъ отъ колонны солдатъ прицѣлился въ него и выпалилъ изъ ружья ему прямо въ лицо. Надо отдать справедливость, что нѣмецкій офицеръ позаботился распорядиться, что бы раненаго перевязалъ бывшій при отрядѣ врачь, и что Грифо довольно скоро выздоровѣлъ.

Въ Рэбэ, 4 сентября, въ 11 часовъ вечера, нѣмцы, разграбивъ лавку драгоцѣнныхъ вещей нѣкоего Понтрю и уложивъ все захваченное на фургонъ, подожгли домъ. Равнымъ образомъ они, посредствомъ зажженной соломы, подожгли три зданія на ул. Этанъ.

Воры.

Въ этомъ маленькомъ городкѣ совершены были и другія тяжкія насилія; жестоко обошлись съ нѣкіимъ Огюстомъ Грифо, семидесяти девяти лѣтъ

отъ роду. Его исколотили, а затѣмъ револьверная пуля оцарапала ему лицо. У него отняли его часы и портмонэ, гдѣ было 800 франковъ.

Въ этотъ же день нѣмецкіе солдаты оскорбили одну содержательницу распивочнаго заведенія, имѣющую 29 лѣтъ отъ роду, за то, что она, будто бы, спрятала англійскихъ солдатъ. Раздѣвши ее, они держали ее при себѣ совершенно голой полтора часа; затѣмъ привязали ее къ прилавку, давая понять, что собираются ее разстрѣлять; но будучи вызваны вонъ, они оставили ее подъ охраной одного солдата эльзасца, который отвязалъ ее и освободилъ.

4-го же сентября другіе солдаты, предварительно разграбивъ одну мелочную лавку, пытались изнасиловать ея хозяйку. Разозленные ея сопротивленіемъ, они хотѣли ее повѣсить, но ей удалось перерѣзать веревку своимъ ножемъ, который нашелся у нея въ карманѣ. Тогда ее избили, и это продолжалось до прибытія офицера, за которымъ сходилъ одинъ очевидецъ всей этой сцены.

Въ Сэнъ-Дэни-ле-Рэбэ, 7 сентября, одинъ уланъ, угрожая своимъ ружьемъ, заставилъ г-жу X... раздѣться, и, поваливъ ее на матрасъ, изнасиловалъ ее; между тѣмъ, какъ безпомощная свекровь жертвы этого насилія только старалась, что бы этого гнуснаго зрѣлища не увидалъ ея восьлѣтній внукъ.

Въ тотъ же самый день, на принадлежащемъ къ коммунѣ Жуи-на-Морэнѣ, хуторѣ Марэ, три дочери нѣкоего X, дѣвушки восемнадцати, пятнадцати и тринадцати лѣтъ, находились возлѣ своей

больной матери, какъ вдругъ ворвались двое германскихъ солдатъ, завладѣли старшей изъ нихъ, и, уведя ее въ сосѣднюю комнату, изнасиловали поочередно. Пока одинъ совершалъ свое преступленіе, другой, съ ружьемъ въ рукахъ, стерегъ дверь и сдерживалъ попытки обезумѣвшей матери.

Мерзавцы.

Театромъ ужасныхъ сценъ былъ замокъ **, въ мѣстности ля-Фертэ-Гоше. Здѣсь жилъ со своей пятидесяти-четырехъ лѣтней прислугой дѣвицей ***, нѣкій пожилой рантье. 5 сентября его имѣніемъ завладѣли нѣсколько германцевъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ унтеръ-офицеръ. Заставивъ предварительно накормить себя, этотъ унтеръ-офицеръ предложилъ затѣмъ одной бѣглянкѣ пойти съ нимъ. Она отказалась. Рантье, чтобы укрыть ее отъ тѣхъ приставаній, съ которыми ее преслѣдовали, услалъ ее на расположенную поблизости ферму. Но нѣмецъ отправился за нею по слѣдамъ, привелъ ее въ замокъ и загналъ на чердакъ. Затѣмъ, совершенно раздѣвъ ее, пытался завладѣть ею. Тогда рантье, съ цѣлью защиты ея, сдѣлалъ на лѣстницѣ нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ; его немедленно разстрѣляли.

Послѣ этого, унтеръ-офицеръ заставилъ женщину спуститься съ чердака, перешагнуть черезъ трупъ старика, увелъ ее въ одинъ чуланъ и снова

тщетно два раза пытался ее изнасиловать. Оставивъ ее, наконецъ, чтобы наброситься на дѣвицу ***, онъ передалъ ее въ руки двухъ солдатъ, которые, заведя ее въ спальную убитаго хозяина и изнасиловавъ, одинъ — разъ, а другой — дважды, принудили провести съ ними вмѣстѣ ночь въ ригѣ, гдѣ одинъ изъ нихъ еще дважды имѣлъ съ ней половыя сношенія.

Что же касается дѣвицы ***, то ее подъ угрозой ружьемъ, заставили совершенно раздѣться, и унтеръ-офицеръ изнасиловалъ ее на матрасѣ и продержалъ при себѣ до утра.

Наконецъ, на основаніи заявленія городского гласнаго изъ Рэбэ, мы установили, что двое раненыхъ англійскихъ кавалеристовъ, захваченныхъ въ этой же коммунѣ, застрѣлены были германцами, хотя они спѣшились, и въ знакъ своего обезоруженія подняли кверху руки.

Марна

Въ департаментѣ Марны, нѣмцы, подобно тому, что производилось въ другихъ мѣстностяхъ, предавались сплошному грабежу, который происходилъ при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, и при сообничествѣ ихъ начальства. Въ особенности въ этомъ отношеніи пострадали коммуны Эльцъ-лё-Морю, Сюипъ, Марфо, Фромантьеръ и Эстэрнэ. Все, что грабители забирали, укладывалось ими на автомобильные или конные фургоны. Въ особенности много вещей увезено было ими такимъ способомъ изъ Сюипъ, и, между прочимъ, швейныя машины и даже игрушки.

Большое количество деревень и даже значительныхъ селеній было ими сожжено безъ всякаго повода. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти преступленія совершались по приказанію начальства, такъ какъ въ эти коммуны являлись для этого особые отряды съ ихъ обычнымъ снаряженіемъ изъ факеловъ и гранатъ.

Въ Лепинѣ, одинъ земледѣлецъ по фамиліи Какэ, у котораго остановились два такихъ велосипедиста, спросилъ ихъ, не предназначаются ли гранаты, которыя онъ у нихъ увидѣлъ, и для его жилья. «Нѣтъ, отвѣтили ему. Съ Лепиномъ кон-

чепо». Девять домовъ деревушки въ это время уже пылали.

Въ Марфо жертвой пламени стало девятнадцать строеній.

Въ Го-ля-Форэ разрушено было семь или восемь домовъ. Коммуна Глянъ перестала, такъ сказать, существовать. Въ Сомъ-Турбъ выгорѣла вся деревня, кромѣ мэріи, церкви и двухъ частныхъ домовъ.

Селеніе Овъ разрушено почти до тла. Въ Этрэпи изъ семидесяти семей осталось безъ крова шестьдесятъ три. Въ Юпронѣ сожжены были всѣ дома, кромѣ пяти. Въ Сермэзъ-ле-Бэнъ уцѣлѣло около сорока изъ девятисотъ. Въ Биньикурѣ-на-Со разрушены до основанія тридцать зданій изъ тридцати трехъ.

Въ крупномъ селеніи Сюипъ сожжена большая его часть; здѣсь видѣли солдатъ, проходившихъ съ соломой и жестянками керосина. Пока горѣлъ домъ мэра, доступъ къ нему и всякую помощь не допускали шестеро приставленныхъ солдатъ съ надѣтыми на ружья штыками.

Всѣ эти пожары, представляющіе собою лишь ничтожную часть однородныхъ фактовъ, совершенныхъ въ департаментѣ Марны, были устроены безъ малѣйшаго проявленія со стороны жителей этихъ нынѣ болѣе или менѣе разрушенныхъ селеній какого-либо недоброжелательства, возмущенія, ни тѣмъ болѣе самаго ничтожнаго акта сопротивленія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нѣмцы, прежде чѣмъ совершить поджогъ, заставляли одного изъ своихъ солдатъ сдѣлать ружейный выстрѣлъ, что

бы, такимъ образомъ, оправдаться, будто на нихъ было сдѣлано нападеніе со стороны мирнаго населенія; но предлогъ этотъ представляется въ особенности абсурднымъ потому, что всюду по времени прихода непріятеля, оставались лишь старики да немощные, или же люди, совершенно лишенные возможности произвести нападеніе.

Точно также произведены были и многочисленныя покушенія на людей. Въ большинствѣ коммунъ взяты были и уведены заложники; многіе изъ нихъ такъ и не вернулись. Въ Сэрмэзъ-ле-Бэнъ, откуда нѣмцы забрали ихъ до полутора сотъ, нѣкоторые заложники одѣты были въ шинели и каски, и въ этомъ нарядѣ обязаны были стоять на часахъ у мостовъ.

Въ Биньикуръ-на-Со, отрядъ увелъ за собой тридцать мужчинъ и сорокъ пять женщинъ и дѣтей. Одинъ изъ первыхъ, по фамиліи Эмиль Пьеръ, не возвратился и такъ и пропалъ безъ вѣсти.

Въ Корфеликсѣ 7 сентября уведенъ былъ нѣкій Жакэ съ одиннадцатью другими его односельчанами; его нашли съ прострѣленной пулею головою въ 500 метрахъ за деревней.

Въ Шанпюи, въ одинъ день съ заложниками изъ Корфеликса уведены были священникъ, его прислуга и четверо другихъ жителей; и они еще не вернулись до того дня, когда производилось наше слѣдствіе.

Голодною смертью.

Въ этой же мѣстности офицеръ велѣлъ привязать къ постели одного семидесятилѣтняго старика, по имени Жакмэна; въ такомъ положеніи и безъ пищи онъ оставленъ былъ на три дня. Вскорѣ послѣ этого онъ скончался.

Въ Веръ-ля-Гравэль убитъ былъ одинъ рабочій съ фермы. Онъ получилъ ударъ бутылью въ голову и—пикой въ грудь.

Полевой сторожъ Брюльферъ, изъ лё-Го-ля-Форэ, убитъ былъ въ Маклёнэ, куда его увели нѣмцы. Его нашли съ раздробленной головой и раной на груди.

Въ выжженной коммунѣ Шангюйонъ убитъ былъ въ домѣ своего тестя нѣкій Вердье. Тесть при казни не присутствовалъ, но выстрѣлъ онъ слышалъ, а на другой день офицеръ сказалъ ему: «Сынъ разстрѣлянъ. Онъ подъ развалинами». Но несмотря на произведенные розыски, трупъ его не былъ найденъ, должно быть, онъ сгорѣлъ.

Въ Сэрмэзѣ. Въ числѣ заложниковъ взятъ былъ нѣкій служащій Брокаръ. Когда пришли его арестовывать вмѣстѣ съ его сыномъ, то его обезумѣвшія жена и сноха кинулись, что бы броситься въ рѣку Со. Освободившись на короткое время, старикъ скорѣе побѣжалъ за ними и старался ихъ спасти; но нѣмцы безжалостно увели его, предоставивъ обѣимъ женщинамъ погибать въ рѣкѣ. Освободившись на исходѣ четвертаго дня отъ нѣмцевъ Брокаръ съ сыномъ разыскали трупы и убѣдились, что

обѣ несчастныя, каждая получили по пулѣ въ голову.

Въ Монмираѣ разыгралась поистинѣ дикая сцена. Когда, 5 сентября одинъ унтеръ-офицеръ, помѣщенный у вдовы Нодэ, бросился на нее почти совершенно раздѣтый и унесъ ее въ свою комнату, то отецъ этой женщины, Франсуа Фонтэнь, прибѣжалъ на крикъ своей дочери. Тогда полтора или два десятка другихъ нѣмцевъ выломали дверь дома, вытолкали старика на улицу и безжалостно его разстрѣляли. Въ это же самое время въ открытое окно выглянула малолѣтняя Жюльета Нодэ и попала подъ пулю, которая попала ей въ животъ на вылетъ. Несчастный ребенокъ послѣ ужасныхъ мукъ скончался сутки спустя.

Мученики.

6 сентября въ Шангюйонѣ женщина Лювэ присутствовала при мукахъ своего мужа. Увидѣвъ послѣдняго передъ собой, окруженнаго и избиваемаго палками, десяткомъ или полутора десяткомъ нѣмцевъ, она подбѣжала къ нему и поцѣловала его черезъ ограду дома, но ее грубо оттолкнули, и она упала; между тѣмъ какъ несчастнаго поволокли палачи; весь окровавленный онъ умолялъ ихъ не убивать его и увѣрялъ, что ничего не совершилъ такого, чтобы съ нимъ такъ обращаться. Его прикончили на выѣздѣ изъ деревни. Когда его разы-

скала его жена, онъ былъ ужасающе обезображенъ. Голова его была раздроблена, одинъ изъ глазъ висѣлъ внѣ орбиты и одна кисть руки была перебита.

Въ Эстэрнэ 6 сентября, около трехъ часовъ пополудни, тридцать пять или сорокъ нѣмцевъ вели нѣкоего Лёрансо, какъ вдругъ онъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе, будто норовясь вырваться. Онъ тутъ же убитъ былъ изъ ружья.

Одиннадцатилѣтняя жертва.

Въ томъ же городѣ намъ сообщены были слѣдующіе факты. Въ ночь съ воскресенья 6 сентября на понедѣльникъ 7-го, нѣмецкіе солдаты, разошедшіеся съ цѣлью грабежа, по домамъ, нашли спрятавшимися подъ погребной лѣстницей вдову Буше съ ея двумя дочерьми и двумя другими женщинами Лёмъ и Масэ. Обѣимъ молодымъ дѣвушкамъ они велѣли раздѣться, а когда за нихъ попыталась вступиться ихъ мать, то одинъ изъ солдатъ прицѣлился изъ своего ружья и далъ выстрѣлъ по направленію группы. Пуля, зацѣпивъ г-жу Лёмъ, у ея лѣваго локтя, раздробила правую руку дѣвицы Марсэли Буше на высотѣ подмышки. Въ теченіе ближайшаго дня эта дѣвушка скончалась отъ своей раны, которая, по свидѣтельству очевидцевъ, была ужаснаго вида.

Наконецъ, нашимъ слѣдствіемъ въ департаментѣ Марны установлено также, что тамъ происходили

и другія покушенія, жертвою которыхъ были женщины.

3 сентября въ Сюипъ одна семидесяти-двухъ лѣтняя дама, схвачена была какимъ-то германскимъ солдатомъ, который приставивъ ей къ подбородку дуло своего револьвера, грубо повалилъ ее на кровать. Появленіе ея прибѣжавшаго на шумъ зятя къ счастью во время освободило ее раньше, чѣмъ совершилось насиліе.

Въ той же мѣстности и въ то же самое время одна одиннадцатилѣтняя, три часа была жертвой сластолюбія одного солдата, который засталъ ее около ея больной бабушки, увелъ въ пустой домъ, и чтобы она не кричала, заткнулъ ей платкомъ ротъ.

7 сентября въ Витри-въ-Пертуа, одна сорокапятилѣтняя дама и восьмидесятилѣтняя старуха, изнасилованы были одна вслѣдъ за другой; послѣдняя изъ нихъ скончалась на пятнадцатый день послѣ этого.

Въ Жюскуръ-Мэнкурѣ, 8 сентября, около 9 часовъ вечера, четверо солдатъ изнасиловали одну дѣвушку двадцати одного года, ворвавшись въ ея комнату черезъ взломанную дверь. Они всѣ четверо набросились на эту дѣвушку и имѣли ее одинъ вслѣдъ за другимъ.

Такъ какъ бомбардировка открытаго города составляетъ несомнѣнное нарушеніе общаго права, то мы сочли умѣстнымъ посѣтить Рэймсъ, который бомбардировался тогда нѣмцами уже двадцать четвертый день. Послѣ того, какъ мэръ доложилъ намъ, что изъ гражданскаго населенія города убито уже около 300 человѣкъ, мы сами убѣдились, сколь-

ко зданій разрушено во множествѣ кварталовъ, а равно мы могли составить себѣ понятіе о тѣхъ огромныхъ и непоправимыхъ поврежденіяхъ, которыя нанесены собору. Но съ 7 октября, когда мы тамъ были, бомбардировка продолжалась, поэтому число жертвъ теперь должно быть весьма значительно. Общеизвѣстно, какъ пострадалъ несчастный городъ и насколько также выше всякихъ похвалъ было поведеніе его муниципалитета.

За то время, пока мы занимались въ городской думѣ, по направленію зданія ея, упало шесть снарядовъ. Пятый снарядъ упалъ на слабомъ разстояніи отъ ея главнаго фасада, а шестой взорвался въ пятнадцати или двадцати метрахъ отъ бюро.

На другой день мы отправились въ замокъ дэ-Бэ, гдѣ, на мѣстѣ убѣдились, какому грабежу подверглось это зданіе. Въ первомъ этажѣ выломана была дверь, ведущая въ комнату, прилегающую къ галлереѣ, гдѣ владѣлецъ собралъ цѣнныя художественныя вещи; четыре витрины были разбиты, а одна взломана. По заявленію привратницы, которая, въ виду отсутствія хозяевъ, не могла намъ сообщить о размѣрахъ потерь, надо полагать, что похищены были, главнымъ образомъ, драгоцѣнности русскаго происхожденія, и золотыя медали. Мы видѣли, что крытыя черным бархатомъ подставки, лишились части тѣхъ драгоцѣнностей, которыя на нихъ были укрѣплены.

Спальная барона дэ-Бэ, находилась въ величайшемъ безпорядкѣ; множество предметовъ разбросаны были по полу и по оставленнымъ открытыми ящикамъ. Одинъ плоскій столъ былъ взломанъ;

коммодъ Люи XVI и цилиндрическое бюро того же стиля, были опустошены.

Комната эта, должно быть занята была очень высокопоставленной персоной, такъ на двери ея осталась такая, сдѣланная мѣломъ, надпись: «J. K. Hoheit» (т. е. его кайзерское высочество). Но насъ никто не могъ въ точности освѣдомить на счетъ личности этого высочества. Во всякомъ случаѣ, одинъ генералъ, останавливавшійся у городского гласнаго, г. Улье, говорилъ своему хозяину, что въ замкѣ помѣстились герцогъ Брунсвикскій и штабъ 10-го корпуса.

Въ тотъ же самый день, мы посѣтили находящійся по сосѣдству съ Монмираемъ и принадлежащій графу ля Рошфуко-Дудовиль, замокъ Бомонъ. Судя по словамъ жены сторожа, жилье это разграблено было нѣмцами въ отсутствіе хозяевъ, за время оккупаціи, длившейся съ 4 по 6 сентября. Нѣмцы оставили его въ состояніи неописуемаго безпорядка и загрязненія. Письменные столы, конторки и несгораемые шкафы были взломаны, экраны для драгоцѣнностей были повытасканы изъ ящиковъ и опустошены.

На дверяхъ комнатъ мы могли прочесть надписи мѣломъ и среди нихъ оказались слова: «Его Превосходительство», «Майоръ фонъ Ледебуръ», «Графъ Вальдэрзээ».

Мэза

Жестокому испытанію подвергся департаментъ Мэзы, значительную часть котораго нѣмцы занимаютъ и теперь. Большія коммуны опустошены были пожарами, которые зажжены были умышленно, хотя въ этомъ не было никакой военной цѣли, а населеніе отнюдь своимъ поведеніемъ не оправдывало подобныя жестокости. Именно такъ было въ Рэвиньи, въ Сомей, Тріокурѣ, Бюленвилье, въ Клермонѣ-въ-Аргоннахъ и въ Вилье-о-Ванъ.

Начисто разграбивъ всѣ дома въ Рэвиньи и увезя свою добычу на подводахъ, нѣмцы въ теченіе трехъ дней подрядъ, съ 6 по 9 сентября, выжгли двѣ трети города, поливая стѣны при помощи ручныхъ насосовъ керосиномъ и бросая на пожарища пачки прессованнаго въ плитки порошка. Намъ доставлены были брошенные поджигателями образчики этихъ пакетовъ и плитокъ, а равно и лучинъ съ воспламеняющейся массою.

Церковь, считавшаяся въ числѣ историческихъ монументовъ и мэрія со всѣми своими архивами, разрушены.

Много жителей, въ числѣ которыхъ были и дѣти, уведены въ качествѣ заложниковъ. Впрочемъ, на

другой день они, за исключеніемъ нѣкоего Владиміра Томаса, возвратились.

Сомей пострадало такъ, какъ пришлось не многимъ коммунамъ Мэзы. Теперь это ничто иное, какъ груда развалинъ; мѣстечко это до тла выжжено было 6 сентября германскимъ пѣхотнымъ полкомъ, носившимъ 51 №. Поджогъ произведенъ былъ при помощи особыхъ насосовъ, напоминавшихъ велосипедныя помпочки; ими снабжены были многіе солдаты.

Картины ужаса.

Это же несчастное селеніе стало театромъ мучительной драмы. Въ началѣ пожара одна женщина, мужъ которой былъ въ дѣйствующей арміи, со своими четырьмя дѣтьми, одиннадцати, пяти, четырехъ и полутора лѣтъ, спряталась въ погребѣ супруговъ Адно. А нѣсколько дней спустя, трупы всѣхъ этихъ несчастныхъ найдены были плавающими въ крови. Самъ Адно былъ разстрѣлянъ, у несчастной женщины отрублены были правая грудь и рука; у одиннадцатилѣтней дѣвочки отсѣчена была нога, а у пятилѣтняго мальчика, перерѣзано горло. Кромѣ того, мать и ея дочь, повидимому, были изнасилованы.

Въ Вилье-о-Ванъ нѣмецкіе офицеры 8 сентября предложили еще не сбѣжавшимъ жителямъ покинуть свои дома, такъ какъ деревушка предна-

значалась быть выжженной подъ тѣмъ предлогомъ, что въ ней, будто бы, были трое французскихъ солдатъ, переодѣтыхъ въ гражданскую одежду. Другіе же оправдывались тѣмъ, что въ одномъ изъ домовъ найдено было приспособленіе для безпроволочнаго телеграфированія. Угроза эта была осуществлена съ такой строгостью, что устояло только одно зданіе.

Въ Вобэкурѣ, гдѣ сожжено было вюртембержцами шесть зданій, поджогъ сдѣланъ былъ въ ригѣ, куда солдаты навалили соломы.

Убійства и поджоги.

Въ Тріокурѣ нѣмцы отличились еще худшими жестокостями.

Разозленные, вѣроятно, замѣчаніемъ офицера одному солдату, на котораго пожаловалась дѣвица Елена Просэ, за его неприличныя къ ней приставанія, они выжгли деревушку и учинили форменное избіеніе жителей. Начали они съ поджога дома одного мирнаго собственника, нѣкоего Жюля Гана, котораго и самого разстрѣляли, когда онъ вышелъ изъ дома, чтобы не сгорѣть; затѣмъ они разсѣялись по улицамъ, стрѣляя во всѣ стороны изъ ружей. Убитъ былъ пытавшійся спастись семнадцатилѣтній молодой человѣкъ Жоржъ Лёкуртье; той же участи подвергся нѣкій Альфредъ Ляльманъ; за нимъ гнались до самой кухни его

односельчанина Тотліе, гдѣ онъ и былъ прикопченъ; тогда какъ послѣдній получилъ три пули въ руку.

Не безъ основанія опасаясь за свою жизнь, дѣвица Просэ, мать ея, бабушка семидесяти одного года и старушка тетка восьмидесяти одного года, г-жа Лора Менэанъ, пытались перебраться, при помощи лѣстницы, черезъ ограду, отдѣлявшую ихъ садъ отъ сосѣдняго помѣстья. Но удалось это только молодой дѣвушкѣ, и она спрятавшись въ капустѣ спаслась отъ смерти. Что же касается остальныхъ трехъ женщинъ, то онѣ застрѣлены были изъ ружей. Деревенскій священникъ, подобравъ съ земли раздробленные мозги старушки Менэанъ, распорядился перенести трупъ ея въ домъ Просэ. Нѣмцы же ночью, около этихъ труповъ, играли на піанино.

Заживо сожженные.

Пока происходило это избіеніе, въ тоже время быстро распространялся и пожаръ, истребившій тридцать пять домовъ. Въ пламени погибли семидесятилѣтній старикъ Жанъ Лекуртье и одинъ двухмѣсячный ребенокъ. Нѣкій Ижье, силясь спасти свой скотъ, подвергся на протяженіи 300 метровъ преслѣдованію солдатъ, которые безпрерывно въ него стрѣляли; но этому человѣку посчастливилось не быть даже раненымъ, хотя пять пуль пробили его шаровары. Когда кюрэ Виле вы-

разилъ проживавшему въ его деревнѣ герцогу Виртембергскому свое негодованіе на такое отношеніе къ его прихожанамъ, то тотъ отвѣчалъ: «у насъ, какъ у васъ, есть злые солдаты».

Въ этой же самой коммунѣ трое нѣмцевъ пытались совершить насиліе надъ одной сорокасемилѣтней женщиной, которой, благодаря ея упорству и смѣлости, удалось спастись; наконецъ, одна семидесятипятилѣтняя старушка, г-жа Мопуа подверглась такому избіенію ногами, что скончалась отъ этого черезъ нѣсколько дней. Пока одни солдаты такъ свирѣпствовали, другіе въ это время грабили.

Небольшой городокъ Клермонъ въ Аргонахъ расположенъ возлѣ живописнаго холма, среди самой пріятной природы; въ него ежегодно пріѣзжало множество туристовъ. 4 сентября ночью, въ него вступили 121 и 122 вюртембергскіе полки и принялись разбивать двери и предаваться безудержному грабежу, который продолжался и слѣдующій день. Около полудня какой то солдатъ устроилъ пожаръ въ жильѣ одного часовщика, нарочно разливъ спиртъ лампочки, на которой онъ готовилъ себѣ кофе. Одинъ изъ жителей, г. Монтэрнашъ, сейчасъ же побѣжалъ за городской помпой и попросилъ у офицера на помощь людей. Его грубо выпроводили и пригрозили револьверомъ; съ такимъ же неуспѣхомъ онъ возобновилъ свою попытку и у другихъ офицеровъ. Нѣмцы тѣмъ временемъ продолжали поджигать городъ, пользуясь для этого палками, къ концамъ которыхъ прикрѣплены были факелы. Пока пылали дома, солдаты

забрались въ церковь, стоявшую на отлетѣ на холмѣ, и принялись тамъ танцевать подъ звуки органа, затѣмъ, раньше чѣмъ уйти и тамъ устроили поджегъ при помощи гранатъ и жестянокъ съ фитилями и воспламеняющейся жидкостью.

Послѣ пожара Клермона найдено было два трупа: совершенно обуглившійся—г. Пуансиньона, мэра изъ Вокуа и одного одиннадцатилѣтняго мальчика, котораго разстрѣляли въ упоръ.

Когда пожаръ прекратился, то возобновился грабежъ уцѣлѣвшихъ отъ пламени жилищъ. Предметы обстановки, забранные у нѣкоего Дэфоржъ и матеріи, похищенныя въ магазинѣ новинокъ г. Нордмана, были навалены на автомобили. Одинъ врачъ захватилъ всѣ перевязочныя средства госпиталя; одинъ высшій офицеръ предварительно написавъ на входныхъ дверяхъ г. Лебондидье, чтобы здѣсь не смѣли грабить, самъ приказалъ уложить въ фургонъ большую часть украшавшей это жилище обстановки, предназначая ее, какъ онъ этимъ самъ безъ стыда хвастался, для украшенія своей виллы.

Въ то время, когда происходили всѣ эти дѣла, городъ Клермонъ-въ-Аргонахъ, занятъ былъ тринадцатымъ вюртембергскимъ корпусомъ, подъ командой генерала фонъ-Дураха, и отрядомъ уланъ подъ командой князя Виттенштейна.

Стрѣльба.

7 сентября десятокъ германскихъ кавалеристовъ проникъ на ферму Лямермонъ, въ коммунѣ Лиль-

энъ-Баруа, и послѣ угощенія молокомъ, отбыли видимо довольные. Но послѣ ихъ отбытія издали послышались ружейные выстрѣлы. А немного спустя второй отрядъ, состоявшій приблизительно человѣкъ изъ тридцати, заявился на ферму и сталъ обвинять рабочихъ фермы, что они убили одного нѣмецкаго солдата. И фермеръ Эли съ однимъ изъ своихъ гостей, нѣкіимъ Жавлё, несмотря на ихъ увѣренія въ ихъ непричастности, были немедленно схвачены, уведены въ окрестности и безжалостно разстрѣляны.

Въ Люпи-лё-Шато, нѣмцы въ ночь съ 8-го на 9-ое сентября отличились безнравственными и возмутительно грубыми поступками, проникши въ одинъ погребъ, гдѣ, чтобы спастись отъ бомбардировки, укрылось много женщинъ. Со всѣми этими несчастными, поступлено было безчестно; подверглись насилію: одна семидесятилѣтняя старушка, одна сорока четырехъ лѣтняя женщина, ея двѣ дочери тринадцати и восьми лѣть и еще одна женщина.

Изъ многихъ коммунъ уведены были заложники. Такъ, изъ Лемона, въ началѣ сентября, принуждены были отправиться вслѣдъ за нѣмецкими войсками восемь человѣкъ; и до 27 октября изъ нихъ никто еще не вернулся. Не вернулся такъ же въ свой приходъ и уведенный 5 сентября кюрэ изъ Нюбэкура.

Въ Сэнтъ-Андрэ въ числѣ захваченныхъ людей оказался нѣкій Аветъ. Ему далось добиться у какого то офицера разрѣшенія отправиться постеречь тѣло своей жены, убитой наканунѣ осколкомъ

снаряда. Вечеромъ всѣмъ жителямъ приказано было собраться въ одной ригѣ. Аветъ, думая, что въ силу полученнаго имъ разрѣшенія, онъ не обязанъ исполнять это приказаніе, остался дома до 11 часовъ вечера. Когда же онъ вышелъ изъ дома, то былъ застрѣленъ изъ ружья.

Помимо всѣхъ тѣхъ деревень, которыя мы уже упомянули, выгорѣло отъ пожаровъ еще много и другихъ, въ особенности Васэнкуръ и Брабанъ-ле-Руа, которыя выгорѣли почти до тла. Обстоятельства ихъ гибели намъ до сихъ поръ не удалось установить совершенно точнымъ способомъ. Относительно ихъ наше слѣдствіе будетъ продолжено потомъ.

Наконецъ, до нашего свѣдѣнія было доведено и то, что въ департаментѣ Мэзы непріятелемъ проявлена жестокость и въ отношеніи французскихъ военныхъ раненыхъ и плѣнныхъ. Этого рода явленія мы изложимъ въ концѣ настоящаго доклада.

Мэрта-и-Мозэль

Въ департаментъ Мэрты и Мозэля мы прибыли 26 октября и посѣтили большое число коммунъ въ округахъ Нанси и Люнэвиля.

Нанси—городъ не укрѣпленный, но германская армія вступить въ него не смогла; и въ ночь съ 9 на 10 сентября, онъ безъ всякаго предварительнаго предупрежденія подвергся бомбардировкѣ. Около шестидесяти снарядовъ упало въ центральныхъ кварталахъ и на Южномъ кладбищѣ, т.-е. въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не имѣется военныхъ учрежденій. Убито оказалось: трое женщинъ, одна дѣвушка и одна дѣвочка; ранено было тринадцать человѣкъ; матеріальные убытки значительны.

Непріятельскіе аэропланы появлялись надъ городомъ дважды. Одинъ изъ нихъ 4 сентября сбросилъ двѣ бомбы, изъ коихъ одною убиты на Соборной площади какой то человѣкъ съ маленькой дѣвочкой, и ранено шесть человѣкъ. 13 октября три бомбы брошены были на товарную станцію, при чемъ ранено было четверо желѣзнодорожныхъ служащихъ Восточнаго общества.

Когда мы утромъ 10 сентября прибыли въ Понтъ-а-Мусонъ, то за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ туда попало семь снарядовъ съ германскихъ батта-

рей. Съ 11 августа это шелъ двадцать четвертый день бомбардировки. Наканунѣ осколками снаряда убиты были въ своихъ постеляхъ одна девятнадцатилѣтняя дѣвушка и четырехлѣтній ребенокъ. 14 августа германцы спеціально избрали своею цѣлью госпиталь, на башняхъ котораго развѣвались видные издали флаги Краснаго Креста. Зданіе это получило не менѣе семидесяти снарядовъ. Мы удостовѣрились въ причиненныхъ ими разрушеніяхъ.

Отъ разновременной бомбардировки, которая всегда производилась безъ предварительнаго предупрежденія, всего потерпѣло около восьмидесяти домовъ. Убито было четырнадцать человѣкъ гражданскаго населенія, преимущественно женщинъ и дѣтей. Приблизительно такое же число насчитывается и раненыхъ. А, между тѣмъ, Понтъ-а-Мусонъ, городъ не укрѣпленный. Въ оборонительное состояніе приведенъ былъ только въ началѣ непріязненныхъ дѣйствій, лишь мостъ черезъ Мозэль. Эту задачу исполнилъ 26-ой егерскій батальонъ, который стоялъ гарнизономъ въ этомъ городѣ.

Ужасное зрѣлище.

Мы пережили настоящее впечатлѣніе ужаса, когда оказались предъ жалкими развалинами Н о м э н и. За исключеніемъ рѣдкихъ уцѣлѣвшихъ домовъ вокругъ вокзала, въ тѣсномъ промежуткѣ, отдѣленномъ отъ главной массы строеній рѣкою Сэль,

отъ этого небольшого городка сохранилась лишь линія зазубренныхъ и закоптѣлыхъ въ дыму стѣнъ, окруженныхъ грудами мусора, въ которомъ тамъ и сямъ видны отчасти обгорѣвшіе трупы животныхъ, и обугленные остатки человѣческихъ тѣлъ. Здѣсь солдатская ярость свирѣпствовала съ неукротимой жестокостью.

Въ Номени, въ виду его близости къ границѣ, съ самаго начала войны отъ времени до времени заглядывали нѣмецкіе конные разъѣзды; въ его окрестностяхъ происходили стычки; а 14 августа одинъ непріятельскій солдатъ безъ всякой причины убилъ во дворѣ расположенной по близости фермы Бордъ ружейнымъ выстрѣломъ молодого, семнадцатилѣтняго рабочаго, Николая Мишеля.

20 числа, когда жители, стараясь скрыться отъ бомбардировки, попрятались по погребамъ, то нѣмцы, только что передъ тѣмъ устроившіе между собою по ошибкѣ перестрѣлку, около полудня проникли въ городъ.

Судя по разсказу одного изъ нихъ, ихъ начальство увѣрило ихъ, что французы мучаютъ плѣнныхъ, вырываютъ имъ глаза и уродуютъ; поэтому они были въ ужасно возбужденномъ состояніи. Вплоть до утра слѣдующаго дня, они предались самымъ возмутительнымъ насиліямъ, грабили, поджигали, избивали встрѣчныхъ. Забравъ въ жилищахъ все, что казалось имъ стоющимъ быть взятымъ, и отправивъ всю награбленную добычу въ Мецъ, они подожгли дома, при помощи факеловъ, плитокъ прессованнаго порошка а также и керосина, жестянки съ которымъ развозили на ма-

леньких тележках. Ружейные выстрелы раздавались со всех сторон; несчастные жители, выгнанные пожарами из своих погребов избивались как дичь, одни в своих жилищах, а другие прямо на улице.

Застрелены были из ружей на улице: Сансон, Пьерсон, Ляльман, Адам Жанпьер, Мёніе, Шнейдер, Рэмон, Дюпонсэль, Азот отец и сын. Некій Кильян, желая защититься от сабельнаго удара, охватил руками свою шею; ему отсекли три пальца и раскроили горло. Один восьмидесятишести летній старик, по фамиліи Птижан, убит был раздробившей ему череп пулей, сидя в своем кресле; а один немец привел к его трупу некую Бертран и сказал: «Видали вы такую свинью!» Исполнявшій обязанности городского мэра, гласный Шардэн, принужден был доставить экипаж и лошадь. Едва успел он пообещать употребить все свои усилія, чтобы исполнить это требованіе, как сражен был ружейным выстрелом. Некій Прэво, видя как баварцы врываются в вверенную его охране аптеку, проговорил, что он аптекарь и дасть все, что им угодно, но раздаются три выстрела и он свалился и испустил последній вздох. Бывшія вместе с ним две женщины бросились спасаться, но их преследовали ударами прикладов до самаго вокзала, где в саду и по дороге навалены были кучи трупов.

Между тремя и четырьмя часами дня, немцы ворвались в мясную лавку некоей Франсуа. Тогда эта последняя вышла со своим приказчиком Стю-

бомъ и работникомъ по фамиліи Конталь изъ погреба. Едва Стюбъ успѣлъ показаться на порогѣ входа, какъ свалился тяжело раненый ружейнымъ выстрѣломъ; затѣмъ убитъ былъ бросившійся спасаться на улицу Конталь. Минутъ пять спустя, когда Стюбъ еще стоналъ, одинъ солдатъ нагнулся надъ нимъ и прикончилъ его ударомъ топора въ спину.

Человѣческая бойня.

Но наиболѣе трагическій случай изъ всѣхъ этихъ ужасныхъ сценъ, произошелъ у нѣкоего Васэ, который спряталъ у себя въ погребѣ въ Нансійскомъ предмѣстьи нѣсколько человѣкъ. Въ домъ его, около четырехъ часовъ дня, ворвалось около полсотни солдатъ, которые выломали двери и окна и учинили поджегъ. Спрятавшіеся бросились тогда спасаться, но ихъ убивали одного за другимъ при первомъ ихъ появленіи. Первымъ убитъ былъ нѣкій Мантрэ. За нимъ свалился его сынъ Леонъ съ восьмилѣтней сестрой на рукахъ; но такъ какъ онъ, оказалось, убитъ былъ не наповалъ, то ему приставили ружейное дуло къ самой головѣ и выстрѣломъ размозжили черепъ. Затѣмъ наступила очередь семьи Кифера. Мать была ранена въ руку и въ плечо; отецъ же, восьмилѣтній сынъ и трехлѣтняя дочка были застрѣлены. Убійцы стрѣляли по нимъ, даже когда они уже лежали на землѣ. Самъ Киферъ получилъ

еще пулю въ лобъ; сыну его выстрѣломъ раздробили черепъ. Потомъ убиты были нѣкій Стриферть и одинъ изъ сыновей Васэ. Въ тоже время одна женщина, по фамиліи Мантрэ, получила три пули; одна изъ нихъ попала ей въ лѣвую ногу, вторая—въ руку съ той же стороны и третья—оцарапала ей лобъ. Нѣкоего Гійома выволокли на улицу, гдѣ онъ и нашелъ себѣ смерть. Наконецъ, изъ погреба вышла семнадцатилѣтняя Симонэнъ со своей трехлѣтней сестрой Жанной; у этой послѣдней пулей почти совсѣмъ оторвало руку по локоть. Старшая упала тогда на землю и притворилась мертвой, и цѣлыхъ пять минутъ пробыла въ ужаснѣйшемъ состояніи, пока какой то солдатъ не ударилъ ее ногой и не крикнулъ: «Капутъ!».

Подъ конецъ этого избіенія вступился одинъ офицеръ. Онъ велѣлъ уцѣлѣвшимъ женщинамъ встать и крикнулъ имъ: «Убирайтесь во Францію».

Одновременно съ тѣмъ, какъ производили это избіеніе, другихъ жителей «стадомъ»,—по выраженію одного изъ очевидцевъ,—вывели въ поле, угрожая неизбѣжной казнью. И кюрэ, напр., обязанъ былъ лишь исключительнымъ обстоятельствамъ, что не былъ разстрѣлянъ.

Убійцы баварцы.

Согласно собраннымъ нами показаніямъ, всѣ эти звѣрства совершены были преимущественно 2-мъ и

4-мъ пѣхотными баварскими полками. Въ оправданіе ихъ офицеры ссылались на то, что по ихъ войскамъ стрѣляли невоенные. Но, какъ это формально установлено нашимъ слѣдствіемъ, обвиненіе это лживо; такъ какъ ко времени вступленія непріятеля, все оружіе снесено было въ мэрію, а часть населенія, не покинувшая свои жилища, отъ страха предъ нашествіемъ, попряталось по погребамъ. Впрочемъ, если бы даже эта ссылка была справедлива, и то она все таки не достаточна для оправданія разрушенія цѣлаго селенія, избіенія женщинъ и убійства дѣтей.

Списокъ лицъ, погибшихъ во время пожара и стрѣльбы, составленъ былъ окружнымъ гласнымъ г. Бьевло. Въ него вошло не менѣе пятидесяти фамилій. Мы привели ихъ не всѣ. Во-первыхъ, среди лицъ, смерть которыхъ была удостовѣрена нѣкоторые погибли при недостаточно опредѣлившихся обстоятельствахъ, а во-вторыхъ, самое разсѣяніе жителей разрушеннаго теперь города, довольно тормозило наше разслѣдованіе. Но розыски въ этомъ направленіи будутъ продолжаться. Впрочемъ и того, что намъ удалось установить неоспоримымъ образомъ, уже достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, что такое представляетъ собой избіеніе въ Номени 20 августа.

Л ю н э в и л ь занятъ былъ нѣмцами съ 21 августа по 11-ое сентября. Въ первые дни они удовольствовались грабежомъ и не очень преслѣдовали жителей. Такъ, 24 августа разграбленъ былъ домъ г-жи Жомонъ. Все награбленное нагружено было на просторную телѣгу, въ которой были три женщи-

ны, одна—одѣтая въ черное, а двѣ другія—въ военныхъ костюмахъ; это, видимо, были, какъ намъ сказали, маркитантки.

25 числа поведеніе непріятеля сразу измѣнилось. Отправившійся въ госпиталь, мэръ города, г. Келлеръ, около $3^1/_2$ часовъ пополудни увидѣлъ, что солдаты стрѣляютъ изъ ружей по направленію чердака одного сосѣдняго дома и даже услышалъ свистъ пуль, которыя, казалось, пролетали откуда то, сзади. Нѣмцы заявили ему, что жители стрѣляли въ нихъ. Тогда онъ оспаривая это, предложилъ имъ обойти вмѣстѣ съ нимъ городъ, что бы доказать неосновательность этого обвиненія. Предложеніе его было принято; и когда въ самомъ началѣ обхода наткнулись на улицѣ на трупъ нѣкоего Кромбеза, то командовавшій взводомъ офицеръ сказалъ г. Келлеру: «Вы видите этотъ трупъ, онъ принадлежитъ тому штатскому, котораго убилъ другой штатскій, стрѣлявшій въ насъ изъ дома, рядомъ съ синагогой. И потому, согласно повелѣнію нашего закона, мы сожгли этотъ домъ, казнили его обитателей». И это онъ говорилъ объ убійствѣ человѣка, робкій характеръ котораго извѣстенъ былъ всему городу, а именно—еврейскаго раввина Вейля, который только что былъ убитъ у себя въ домѣ вмѣстѣ со своей восемнадцати-лѣтней дочерью. А офицеръ добавилъ: «Точно также сожженъ и домъ на углу улицъ Кастара и Жирардэ, потому что изъ него по насъ произведены были штатскими ружейные выстрѣлы». По объясненію нѣмцевъ, изъ этого дома, кто то стрѣлялъ по двору

госпиталя; а, между тѣмъ, это утвержденіе недопустимо даже по расположенію обѣихъ мѣстъ.

Пока мэръ и сопровождавшій его отрядъ продолжали свой обходъ, со всѣхъ сторонъ вспыхивали пожары: горѣла городская дума, синагога и многіе дома по улицѣ Кастара; а предмѣстье Энвиль все было въ пламени. Въ то же самое время, начались и избіенія, которымъ суждено было продолжаться до утра слѣдующаго дня. Не считая уже упомянутыхъ Кромбеза и раввина Вейля съ дочерью, жертвами пали: Аманъ, Бэндэръ, Балястръ отецъ и сынъ, Вернье, Дюжонъ, Канъ съ матерью, Стэйнеръ съ женою, Вэнгерстманъ съ внукомъ и, наконецъ, Сибиль, Монтэй и Коленъ.

Нѣмецкое самообвиненіе.

Убійства совершены были при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 25 августа нѣмцы, что бы дать повѣрить, что на нихъ напали, произвели два ружейныхъ выстрѣла внутри дубильнаго заведенія Вормса, затѣмъ бросились въ мастерскія этого завода, гдѣ работали нѣкій Бри и отецъ и сынъ Балястръ. Бри они выволокли на улицу, его обобрали и исколотили; а оба его товарища, найденные въ отхожихъ мѣстахъ, куда они попрятались, были убиты на мѣстѣ.

Въ тотъ же самый день солдаты явились и стали звать спрятавшагося въ своемъ погребѣ нѣкоего

Стэйнера. Его жена, опасаясь бѣды, пыталась удержать его. И въ то время, какъ сжимала его въ своихъ объятіяхъ, пуля ударила ее въ шею. А черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, палъ въ своемъ саду на смерть сраженный пулей и явившійся на зовъ самъ Стэйнеръ. Точно также въ своемъ саду убитъ былъ и нѣкій Канъ; его девяностовосьми лѣтняя мать, обгорѣвшая во время пожара, предварительно ранена была въ ея постели штыкомъ; объ этомъ сообщило лицо, служившее солдатамъ переводчикомъ. Точно также убитъ былъ и спасавшійся отъ гибели въ огнѣ Бэндэръ. Нѣмецъ, застрѣлившій его, признался, что убилъ его безъ всякаго повода, когда несчастный спокойно стоялъ предъ дверьми. Той же участи подвергся и Вернье.

Около 3 часовъ дня, нѣмцы, разбивая окна и съ ружейными выстрѣлами ворвались въ домъ, гдѣ находилась г-жа Дюжонъ со своею трехлѣтнею дочерью, двумя сыновьями и нѣкіимъ Гомье. Малютка едва не была убита. Лицо ея обожгло огнемъ отъ выстрѣла. Въ эту минуту г-жа Дюжонъ увидѣла младшаго своего четырнадцатилѣтняго сына, Мосьяна, распростертымъ на землѣ и позвала его скорѣе встать, чтобы убѣжать вмѣстѣ съ нею. И тутъ она замѣтила, что руки его были полны его собственными, расползавшимися внутренностями. Домъ уже весь былъ въ огнѣ, и несчастный мальчикъ сгорѣлъ въ немъ, какъ и Гомье, которому тоже не удалось спастись.

Вышеупомянутый Вэнгерстманъ со своимъ двѣнадцатилѣтнимъ внукомъ отправился накопать кар-

тошки неподалеку отъ Люнэвиля, въ мѣстности извѣстной подъ именемъ «Мосю», на территоріи Шантэ, и имѣлъ несчастье встрѣтить нѣмцевъ; эти послѣдніе поставили ихъ обоихъ къ стѣнѣ и разстрѣляли.

Наконецъ, около 5 часовъ вечера солдаты явились въ томъ же селеніи къ нѣкоей Сибиль и безъ всякаго повода забрали ея сына, отвели его за двѣсти метровъ отъ дома и убили, вмѣстѣ съ нѣкіимъ Валонъ, съ которымъ они его связали. Одинъ очевидецъ, наблюдалъ въ это время, какъ эти убійцы утащили свои жертвы, и потомъ вернулись безъ нихъ, но ихъ штыки съ зазубринами были полны крови и клочьевъ тѣла.

Въ тотъ же самый день одинъ фельдшеръ, по фамиліи Монтэй, ухаживавшій въ Люнэвильскомъ госпиталѣ за раненымъ нѣмецкимъ офицеромъ, на когда смотрѣлъ въ окно, какъ какой то нѣмецкій смерть пораженъ былъ пулей въ лобъ, въ то время, солдатъ стрѣлялъ изъ своего ружья.

Убійство семидесятилѣтняго.

На слѣдующій день, 26 числа, нѣкто Аманъ со своимъ сыномъ 21 года, были арестованы у себя дома и уведены куда то ворвавшейся къ нимъ, сломивъ дверь, толпой. Отца начали колотить; что же касается молодого человѣка, то, когда онъ попробовалъ защищаться, то унтеръ-офицеръ выстрѣломъ изъ револьвера разможжилъ ему черепъ.

Въ часъ пополудни аптекаря, г. Риклена, преду-

предили, что какой то человѣкъ упалъ метрахъ въ тридцати отъ его магазина; тогда онъ немедленно отправился въ указанное мѣсто и въ жертвѣ призналъ своего свояка Колена, человѣка шестидесяти восьми лѣтъ отъ роду; его сразила пуля въ животъ. Нѣмцы предполагали, что этотъ старикъ въ нихъ стрѣлялъ. Но г. Рикленъ это категорически отрицаетъ. Коленъ, какъ онъ намъ показывалъ, былъ человѣкъ безобидный, положительно неспособный на подобный поступокъ и совершенно незнакомый съ обращеніемъ съ оружіемъ.

Намъ казалось полезнымъ собрать въ Люнэвилѣ свѣдѣнія и о преступленіяхъ не столь тяжкихъ, но способныхъ пролить особый свѣтъ на умственное состояніе непріятеля. 25 августа нѣкій Лёнуаръ, человѣкъ шестидесяти семи лѣтъ отъ роду, вмѣстѣ со своею женою, отведены были со связанными на спинѣ руками въ поле. Послѣ жестокаго избіенія, которому они оба подверглись, унтеръ-офицеръ отнялъ у Лёнуара, оказавшіеся при немъ 1800 франковъ золотомъ. Впрочемъ, самый безстыдный грабежъ, какъ мы это уже имѣли случай показать, вошелъ въ нравы германской арміи и практикуется совершенно открыто. Вотъ любопытный образчикъ этого:

Во время пожара дома, принадлежащаго г-жѣ Лёклеркъ, несгораемые шкафы двухъ ея квартирантовъ неподдались огню. Одинъ изъ нихъ, принадлежавшій субъ-инспектору воднаго и лѣсного вѣдомства, свалился въ развалины; другой же, принадлежавшій г. Гудшо, продавцу имѣній, удержался на стѣнѣ, къ которой былъ прикрѣпленъ,

на высотѣ второго этажа. Унтеръ-офицеръ Вейсъ, который превосходно зналъ городъ, такъ какъ въ качествѣ маклака много разъ до войны пользовался здѣсь гостепріимствомъ, отправился на мѣсто пожара съ солдатами, приказалъ взорвать эту устоявшую стѣну динамитомъ, позаботился доставить оба несгораемые шкафа на вокзалъ, гдѣ ихъ помѣстили въ вагонъ для отправленія въ Германію. У своего командира этотъ Вейсъ пользовался особеннымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Онъ былъ поставленъ во главѣ комендантства и въ нѣкоторомъ родѣ уполномоченъ былъ управлять коммуной и заботиться о реквизиціяхъ.

Грабежъ послѣ убійствъ.

Натворивъ въ Люнэвилѣ множество актовъ грабежа, сжегши около семидесяти домовъ, для чего солдаты пользовались факелами, керосиномъ и разными воспламенительными снарядами; избивъ, наконецъ, мирныхъ жителей, военныя нѣмецкія власти сочли умѣстнымъ вывѣсить нижеслѣдующее заявленіе, въ которомъ, для оправданія обложенія города огромною данью, подъ видомъ возмѣщенія убытковъ, ими наплетены были достойные посмѣшища доводы:

КЪ СВѢДѢНІЮ НАСЕЛЕНІЯ.

«Жители Люнэвиля 25 августа 1914 г. учинили исподтишка нападеніе на германскіе отряды и поѣзда. Въ тотъ же самый день жители стрѣляли по

санитарнымъ частямъ, снабженнымъ краснымъ крестомъ. Больше того, онѣ стрѣляли по нѣмецкимъ раненымъ и по военному госпиталю, гдѣ помѣщалась нѣмецкая амбулаторія. Вслѣдствіе этихъ враждебныхъ дѣйствій на Люнэвильскую коммуну налагается контрибуція въ 650.000 франковъ. Г. мэру приказывается доставить эту сумму въ золотой монетѣ (и серебромъ до 50.000 фр.) въ 9 часовъ утра 6 сентября въ руки представителя военныхъ германскихъ властей. Всякое противорѣчіе будетъ признано непріемлемымъ и не существующимъ. Отсрочки дано не будетъ. Если коммуна не исполнитъ въ точности этого приказа, заплатить сумму въ 650.000 фр., то будутъ конфискованы всѣ доступныя владѣнія. Въ случаѣ неуплаты, будутъ произведены обыски жилищъ и даже будутъ обысканы всѣ жители. Всякій, кто умышленно скроетъ деньги, или попытается укрыть имущество отъ конфискаціи военными властями, или кто попытается уйти изъ города, будетъ разстрѣлянъ. Мэръ и взятые военными властями заложники будутъ въ отвѣтѣ за точное выполненіе вышеизложеннаго приказа. Мэріи приказано немедленно опубликовать свои мѣропріятія по коммунѣ.

«Энамениль, 3 сентября 1914 года.

«Главнокомандующій, фонъ-Фосбендеръ».

По прочтеніи этого документа всякій въ правѣ спросить, не были ли поджоги и убійства, совершенные въ Люнэвилѣ 25 и 26 августа арміей, которая дѣйствовала не въ боевомъ возбужденіи и въ предшествовавшія дни воздерживалась отъ убійствъ,

произведены по приказу, чтобы придать больше правдоподобности тѣмъ ссылкамъ, которымъ надлежало служить предлогомъ для требованія контрибуціи.

Насилія надъ заложниками.

Не больше заслужила пощады и расположенная по близости отъ Люнэвиля деревушка Шантэ. Занимавшіе ее съ 22 августа по 12 сентября баварцы выжгли въ ней, по своему обыкновенію, два десятка домовъ и перебили 25 августа восьмерыхъ жителей; между прочимъ, Лявэнъ, Тусэнъ, Пармантье и Башле; первые трое были застрѣлены изъ ружей, а четвертый—двумя выстрѣлами и затѣмъ ударомъ штыка; по близости отъ коммуны убитъ былъ двадцати трехлѣтній Шнейдеръ; нѣкто Вингерстманъ со своимъ внукомъ, смерть которыхъ описана выше, когда шла рѣчь о преступленіяхъ совершенныхъ въ Люнэвилѣ; наконецъ, нѣкій Ребъ, человѣкъ шестидесяти двухъ лѣтъ, несомнѣнно умершій вслѣдствіе того плохого обращенія, которому онъ подвергся. Его увели въ качествѣ заложника вмѣстѣ съ другими сорока двумя его согражданами, которыхъ продержали тринадцать дней. Сперва онъ получилъ ужасный ударъ прикладомъ по лицу, затѣмъ раненъ былъ штыкомъ въ бокъ; хотя онъ потерялъ много крови, а лицо его до неузнаваемости обезображено было ударомъ, но онъ все же продол-

жалъ слѣдовать за отрядомъ; тогда одинъ баварецъ, безъ всякой причины, нанесъ ему еще глубокую рану, бросивъ ему въ голову деревянное ведро. Между Энаменилемъ и Бюромъ его спутники спохватились, что его съ ними нѣтъ. Не было никакого сомнѣнія, что онъ уже умеръ.

Несчастный этотъ пострадалъ въ особенности, но и прочіе взятые непріятелемъ заложники тоже подвергались насиліямъ и оскорбленіямъ. Раньше чѣмъ поджечь деревню, ихъ выстроили въ линію вдоль перилъ моста, и проходившія войска надъ ними тѣшились. Когда одинъ офицеръ сталъ обвинять учителя, будто онъ стрѣлялъ въ нѣмцевъ, то послѣдній, въ подтвержденіе своей невиновности сказалъ, что даетъ въ этомъ честное слово. «Французская свинья,—отвѣчалъ ему офицеръ,— не вамъ говорить о чести; у васъ ея нѣтъ».

Нѣкая дама Шерье, когда загорѣлся ея домъ, вышла изъ погреба, что бы не задохнуться въ дыму, и тутъ же была облита солдатами тою воспламеняющейся жидкостью, которою они обливали стѣны. Одинъ изъ нихъ крикнулъ: «Это бензинъ». Тогда она вмѣстѣ со своими родственниками бросилась укрыться за кучей навоза; но поджигатели силою притащили ее къ пожарищу, и ей пришлось присутствовать при гибели ея жилища.

Сто убитыхъ въ одномъ мѣстѣ.

Подобно Номени, при самыхъ ужасныхъ обстоятельствахъ сталъ жертвою нѣмецкой ярости и хо-

рощенькій городокъ Жербевилье, на берегу Мортани. 24 августа непріятельскія войска наткнулись здѣсь на геройское сопротивленіе шести десятковъ пѣшихъ егерей, которые причинили имъ тяжкій уронъ. Нѣмцы жестоко выместили это на мирномъ населеніи; они не знали удержа съ самаго своего вступленія въ городъ; съ свирѣпымъ ревомъ начали вламываться въ дома, поджигать зданія, убивать или забирать жителей, не щадя ни женщинъ ни стариковъ. Изъ 475 домовъ пригодными для жилья осталось лишь десятка два. Болѣе ста человѣкъ пропало; полсотни, по меньшей мѣрѣ, было убито; однихъ для разстрѣла выводили въ поле, другихъ убивали въ ихъ жилищахъ, или же застрѣливали на улицѣ, если тѣ пытались спасаться отъ пожара. До сихъ поръ опознано 36 труповъ.

Пятнадцать человѣкъ изъ числа этихъ несчастныхъ были казнены въ мѣстности, называемой «Ля Прэль». Погребены они были ихъ согражданами между 12 и 15 сентября. Руки почти у всѣхъ у нихъ были связаны за спиной; у нѣкоторыхъ были завязаны глаза; шаровары у многихъ были разстегнуты и спущены до низу. Это послѣднее обстоятельство, а равно и видъ труповъ, наводитъ видѣвшихъ это на мысль, что эти жертвы подверглись еще и изуродованію. Но мы не находимъ возможнымъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, такъ какъ процессъ разложенія зашелъ уже настолько далеко, что могъ создать ошибку. Къ тому же, возможно, что убійцы разстегнули нижнюю одежду своихъ плѣнниковъ для того, чтобы поставить ихъ въ не-

возможность убѣжать, разъ ноги ихъ были закутаны въ спустившіеся шаровары. . . . . .

16 октября, въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ «О-дэ-Вормонъ» найдены были зарытыми въ землю на глубинѣ 15—20 сантиметровъ десять невоенныхъ труповъ съ огнестрѣльными ранами и съ завязанными у всѣхъ глазами. При одномъ изъ труповъ найдены были документы на имя Эдуарда Сэйера изъ Бадонвилье. Остальные девятеро оказались неизвѣстными. Полагаютъ, что это жители Бадонвилье, которыхъ нѣмцы для разстрѣла привели на территорію Жербевилье.

Въ день избіенія на улицахъ и въ домахъ происходили самыя трагическія сцены.

Сожженный живьемъ на глазахъ матери.

Утромъ непріятельскіе солдаты ворвались къ супругамъ Ленжанэль, схватили ихъ тридцатишестилѣтняго сына, который носилъ перевязь Краснаго Креста, связали ему за спиной руки, выволокли на улицу и здѣсь разстрѣляли; затѣмъ они вернулись за семидесятилѣтнимъ старикомъ отцомъ; тогда сама г-жа Ленжанэль бросилась бѣжать. По дорогѣ она видѣла распростертое на землѣ тѣло своего сына. Такъ какъ несчастный еще шевелился, то нѣмцы облили его керосиномъ и, въ присутствіи приведенной въ ужасъ матери, подожгли его. Старика Ленжанэля, тѣмъ временемъ отвели въ «Ля-Прэль» и тамъ казнили.

Въ то же самое время солдаты постучались въ дверь дома, занятаго нѣкіимъ Дэанъ, съ женой и тещей, семидесяти-восьмилѣтней вдовой Гійомъ. Отворить имъ пошла эта послѣдняя; въ нее выстрѣлили въ упоръ, и она упала на руки поспѣшившаго вслѣдъ за ней зятя. «Они меня убили,—воскликнула она,—снесите меня въ садъ». Дѣти повиновались ей и устроили ее въ глубинѣ сада, положивъ подъ голову подушку, а ноги завернувъ въ одѣяло; а сами, затѣмъ, расположились на землѣ вдоль стѣны, которая могла укрыть ихъ отъ снарядовъ. Когда, черезъ часъ, старушка Гійомъ скончалась, ея дочь завернула ее всю въ одѣяло и платкомъ закрыла ей лицо. Почти въ тотъ же моментъ въ садъ ворвались нѣмцы. Самого Дэо они отвели на разстрѣлъ въ «Ля-Прэль», а жену его отправили на дорогу Фрамбуа, гдѣ въ рукахъ непріятеля оказалось еще человѣкъ сорокъ народу, преимущественно женщинъ и дѣтей; здѣсь она слышала, какъ какой то офицеръ высшаго ранга закричалъ: «Всѣхъ этихъ женщинъ и дѣтей надо разстрѣлять.. Все это должно исчезнуть». Угроза эта, однако, не была приведена въ исполненіе. Будучи на утро освобождена, г-жѣ Дэанъ черезъ три недѣли удалось вернуться въ Жербэвилье. Она убѣждена, а равно и всѣ тѣ, которые видѣли трупъ, что тѣло ея матери было обезчещено. И, дѣйствительно, она нашла ее распростертой на спинѣ, съ раздвинутыми ногами, съ поднятыми юбками и обнаженнымъ животомъ.

Когда появились нѣмцы, то нѣкто Перэнъ со своими двумя дочерьми Луизой и Евгеніей, пошли спрятаться въ своей конюшнѣ. Солдаты проникли и

туда. Замѣтивъ младшую Луизу, одинъ изъ нихъ въ упоръ выстрѣлилъ ей въ голову изъ ружья. Евгеніи же удалось ускользнуть; но отцу убѣжать помѣшали; его присоединили къ жертвамъ, которыхъ вели въ «Ля-Прэль» и вмѣстѣ съ ними разстрѣляли.

Святотатство баварцевъ.

Одинъ изъ жителей, Йонгъ, разстрѣлянъ былъ предъ своимъ домомъ, когда вышелъ изъ него, что бы отвести свою лошадь въ манежъ. Нѣмцы были такъ разъярены, что убили даже и лошадь и подожгли домъ. Другіе же изъ нихъ приподняли створни подвала, гдѣ укрылось нѣсколько человѣкъ и сдѣлали по ихъ направленію нѣсколько выстрѣловъ. При этомъ ранены были г-жа Дэни Бернаръ и семилѣтній мальчикъ Пармантье.

Часовъ около 5 вечера, г-жа Розье услышала умоляющій вопль: «Сжальтесь, пожалѣйте!». Крики эти доносились изъ одной сосѣдней риги, принадлежащей мѣстнымъ жителямъ Пуансару и Барбье. Какой то субъектъ, служившій нѣмцамъ переводчикомъ, заявилъ нѣкоей г-жѣ Тьебо, что эти послѣдніе хвастались, что въ одной изъ этихъ ригъ, живьемъ сожгли одного отца семьи изъ пятерыхъ дѣтей, какъ не умолялъ онъ, какъ не взывалъ къ ихъ жалости. Заявленіе является тѣмъ болѣе знаменательнымъ, что въ ригѣ Пуансара,

дѣйствительно, нашли обугленный человѣческій трупъ.

Наряду съ этими убійствами, совершены были и безчисленные акты насилій. Жена одного мобилизованнаго изнасилована была какимъ то солдатомъ въ корридорѣ своихъ родителей, а мать ея должна была бѣжать отъ угрозъ штыкомъ.

Разстрѣлъ священника.

29 августа, старшая госпитальная монахиня, сестра Юлія, самоотверженность которой была достойна изумленія, отправилась съ мобилизованнымъ священникомъ въ приходскую церковь, чтобы удостовѣриться въ какомъ положеніи она находится; при этомъ оказалось, что стальныя дверцы ризницы были предметомъ попытки взлома. Что бы завладѣть одною святою Чашей, они хотѣли подбить запоръ и для этого сдѣлали рядъ выстрѣловъ вокругъ замка. Дверцы пробиты были во многихъ мѣстахъ, а пробоины отъ пуль имѣли почти симметрическую фигуру, что доказываетъ, что стрѣльба производилась почти въ упоръ. Когда монахиня открыла шкафъ, то причастная чаша оказалась продырявленной.

Злодѣянія и преступленія, засвидѣтельствованныя въ Жербевилье, являются, главнымъ образомъ, дѣломъ баварцевъ. Войска, которыя ими отличились, были подъ командой генерала Клауса, слѣды

жестокости котораго нами удостовѣрены были и въ другихъ мѣстностяхъ.

22 августа нѣмцы подожгли, при помощи факеловъ и ракетъ, деревню Крэвикъ. Сгорѣло 76 домовъ, въ томъ числѣ и домъ генерала Ліотэ, куда поджигатели ворвались, подъ предводительствомъ офицера, и вовсеуслышаніе звали: «госпожу и дѣвицу Ліотэ, что бы отрубить имъ головы». Какой то капитанъ, приставивъ свой револьверъ къ горлу, грозилъ нѣкоему Вожену разстрѣлять и бросить въ огонь вмѣстѣ съ какимъ то другимъ обитателемъ, которому, какъ онъ выражался, «уже разможжили голову». Онъ этимъ намекалъ на смерть эдного стараго семидесяти-восьмилѣтняго рантье, г. Льеже, который найденъ былъ среди развалинъ съ пулевой раной подъ подбородкомъ. «Пожалуйте,—добавилъ этотъ офицеръ,—полюбоваться, какъ горитъ собственность находящагося въ Марокко генерала Ліотэ». Тѣмъ временемъ одинъ рабочій, по имени Жераръ, штыками въ спину загнанъ былъ къ себѣ на чердакъ. Затѣмъ нѣмцы зажгли кучу соломы и принудили Жерара оставаться близъ костра. Но когда солдаты отъ невыносимаго жара огня вынуждены были удалиться, то и ему удалось спастись черезъ небольшое отверстіе, но одна щека у него была уже сильно опалена.

Въ Дэвилъ, гдѣ непріятель безъ всякаго повода сжегъ пятнадцать домовъ, арестованы были мэръ Бажоле и кюрэ Тирье. Кюрэ изъ Кріона, аббатъ Маршаль, увидѣвъ ихъ обоихъ въ своемъ приходѣ въ рукахъ нѣмцевъ, подошелъ къ своему собрату и спросилъ его о причинахъ его ареста. Тотъ

отвѣтилъ: «Я подавалъ сигналы». Предложивъ ему немного хлѣба, аббатъ Маршаль удалился; но не успѣлъ онъ сдѣлать тридцати шаговъ, какъ услышалъ стрѣльбу. Это были казнены оба плѣнника. На другой же день, какой то офицеръ, въ совершенствѣ говорившій на французскомъ языкѣ и заявившій, что онъ восемь лѣтъ былъ военнымъ германскимъ атташе въ Парижѣ, объяснилъ аббату Маршалю, что кюрэ изъ Дэвиля сигнализировалъ, а затѣмъ онъ добавилъ: «что же касается мэра, то этотъ бѣдняга, я въ этомъ увѣренъ, ничего особеннаго не сдѣлалъ».

Въ Мэксъ нѣмцы сожгли 36 домовъ и, подъ неизмѣннымъ предлогомъ, что по нимъ стрѣляли, предали избіенію жителей: Госона, Дэманжа, Жака, Томаса, Маршаля, Шодра, Гранда, Симонэна, Ваконэ и г-жу Бэртонъ. Госона выхватили изъ его дома, повалили на кучу навоза, гдѣ одинъ солдатъ и прикончилъ его выстрѣломъ въ животъ; Дэманжъ, будучи въ своемъ погребѣ, раненъ былъ въ оба колѣна, но имѣлъ силы дотащиться до кухни. Нѣмцы подожгли домъ, но женѣ Деманжа не позволили оказать помощь своему мужу и такъ и оставили свою жертву на сожженіе въ горѣвшемъ домѣ.

Г-жа Бэртонъ тоже со своей семьей укрылась въ погребѣ, какъ вдругъ туда спустились двое солдатъ, изъ которыхъ одинъ былъ съ фонаремъ, а другой съ ружьемъ. Послѣдній на удачу выстрѣлилъ въ кучу и сразилъ несчастную женщину. Ваконэ получилъ пулю въ бокъ у входа на лѣстницу, нѣкоего Рэдиже, что же касается Симонэна, то его

увели по направленію къ Друвилю. А чрезъ нѣсколько дней особой нотой было сообщено, что онъ былъ разстрѣлянъ и что его послѣдняя воля, выраженная въ особомъ документѣ, переданномъ въ руки генерала, командовавшаго 3-ей баварской дивизіей, передана была черезъ какого то нѣмецкаго офицера городскому коммунальному гласному г. Тувнэну. Нота эта, копія которой была намъ доставлена, снабжена подписью одного офицера 3-го легкаго коннаго полка. Прочія жертвы изъ Мэксъ погибли при такихъ обстоятельствахъ, которыхъ намъ не удалось возстановить.

Омерзительныя сцены.

Въ той же деревнѣ одна дѣвица двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, изнасилована была въ ночь съ 23 на 24 августа девятью нѣмцами; и офицеръ, ночевавшій надъ тою комнатою, гдѣ разыгралась эта отвратительная сцена, не счелъ нужнымъ вступиться, хотя, разумѣется, слышалъ крики дѣвушки и шумъ производимый солдатами.

Замокъ Бозмонъ занятъ былъ нѣмцами 22 августа. На пятнадцатый день оккупаціи сюда прибыли автомобили, въ которыхъ помѣщались много женъ офицеровъ главнаго германскаго штаба. Они нагрузили все, что было награблено въ замкѣ, въ особенности серебро, шляпы и шелковыя платья. 21-го октября въ обладаніе этимъ зданіемъ вступилъ подпол-

ковникъ, командовавшій пѣхотнымъ французскимъ полкомъ. Онъ засталъ замокъ въ состояніи отвратительной запущенности и грязи. Обстановка была вскрыта и взломана; полъ билліардной комнаты покрытъ былъ испражненіями. Въ спальной, гдѣ помѣщался нѣмецкій генералъ, командиръ 7-ой резервной дивизіи, стояла нестерпимая вонь. Въ стѣнномъ шкафу въ головахъ постели, оказались загаженныя испражненіями столовое бѣлье и кисейныя занавѣски.

Въ Баккара непріятельская армія никого не убила, но 25 августа она произвела здѣсь всеобщій грабежъ, предварительно распорядившись, для болѣе спокойной работы, что бы все населеніе собралось на вокзалѣ. Грабежъ этотъ направлялся офицерами. Забрали часы, различныя вещи и художественныя произведенія; затѣмъ, когда жители вернулись къ себѣ, имъ черезъ полчаса приказано было снова удалиться, такъ какъ приступали къ сожженію города. И дѣйствительно, весь центръ города сталъ жертвою пламени. Поджогъ произведенъ былъ при помощи факеловъ и плитокъ; и огонь истребилъ 112 домовъ. Только 4 или 5 загорѣлись отъ снарядовъ. Послѣ пожара жителямъ запрещено было приближаться къ ихъ пепелищамъ; а когда развалины остыли, то нѣмцы сами разрыли ихъ, чтобы расчистить входы въ подвалы. Послѣ этой операціи, командиръ артиллеріи 14-го баденскаго корпуса, генералъ Фабриціусъ, сказалъ исполнявшему обязанности мэра г. Рэно: «Я не думалъ, чтобы въ Баккара оказалось столько вина. Мы его забрали болѣе ста тысячъ бутылокъ». Надо

отдать справедливость, что на хрустальномъ заводѣ, непріятелю угодно было проявить извѣстную степень относительной честности, такъ какъ здѣсь хотя они и потѣшились своими револьверами, но съ забираемаго ими товара требовали себѣ скидку отъ 50% до 75%.

Въ Жолньэ 22 августа, нѣкто Вильменъ выходилъ изъ дома г. Когана, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ и еще нѣкіимъ Ришаромъ, когда на послѣдняго напали солдаты. Ришаръ получилъ ударъ прикладомъ въ голову и упалъ, а Коганъ поспѣшилъ вернуться къ себѣ. Пройдя нѣкоторое время вслѣдъ за Ришаромъ, котораго увели его преслѣдователи, Вильмэнъ пошелъ убирать свой скотъ. Около 5 часовъ дня онъ вышелъ, чтобы зайти къ своему сосѣду, но былъ немедленно арестованъ и разстрѣлянъ. Его трупъ убійцы перебросили черезъ ограду въ какой то садъ.

25-го числа, въ той же коммунѣ разграблено было жилье г-жи Морэнъ. Нѣмцы забрали у нея бѣлье, серебро, мѣха и шляпы. А на другой день они сожгли и домъ, поджегши обломки досокъ отъ упаковочныхъ ящиковъ.

Грабежи и убійства.

Въ Бонвилье, 21, 23 и 25 августа они сожгли 26 домовъ, пользуясь для этого петардами и свѣчами.

Въ Энвилѣ, въ самый день своего вступленія, 22 августа, они разстрѣляли городского гласнаго, г. Пирсона, ложно обвиненнаго въ томъ, что онъ въ нихъ стрѣлялъ. Равнымъ образомъ, они безъ всякаго повода казнили двухъ жителей: Бувье и Барблена, которыхъ увели для этого за черту коммуны. Они убили одного браконьера, по имени Пьера, котораго встрѣтили съ мѣшкомъ, гдѣ оказалось разобранное ружье и ястребъ. Несчастный былъ ими жестоко замученъ. Выволокши его предварительно за деревню, они снова привели его къ дому г-жи Фамозъ, которая и видѣла, какъ онъ шелъ среди нихъ. У него почти отсѣченъ былъ носъ; глаза были безъ смысла; весь онъ, по выраженію очевидца, словно сразу, въ четверть часа, постарѣлъ на десять лѣтъ. Въ это время офицеръ что то приказалъ; восьмеро солдатъ ушли съ плѣннымъ, когда же они, черезъ десять минутъ снова вернулись безъ него, то одинъ изъ нихъ по французски сказалъ: «онъ умеръ раньше этого».

Мэръ Энвиля, въ качествѣ заложника, вмѣстѣ со своимъ помощникомъ и другимъ своимъ согражданиномъ уведены были 12 сентября, когда непріятельскія войска уже отступали. Ихъ отправили въ Эльзасъ, а затѣмъ въ Германію; тамъ ихъ всѣхъ продержали до 24 октября. До своего ареста и во время боя, происходившаго въ окрестностяхъ коммуны, г. Дьедонэ, несмотря на свои протесты, принужденъ былъ собрать своихъ подчиненныхъ и заняться погребеніемъ мертвыхъ. Трое другихъ жителей Энвиля, насильно принужденныхъ къ этой обязанности, были ранены пулями, а

еще одинъ, по фамиліи Ноэль, убитъ былъ осколкомъ снаряда.

Находящаяся на территоріи этой же коммуны ферма Рэмонвиль, была сожжена. А четверо людей, работавшихъ на ней, должно быть, всѣ были убиты. Во всякомъ случаѣ, трупы двоихъ изъ нихъ, два мѣсяца спустя, найдены были погребенными вмѣстѣ, по близости отъ сожженныхъ построекъ. Они оба были обезглавлены, а голова одного изъ нихъ была раздроблена.

Проходъ непріятеля черезъ Сомэрвилье, 23 августа, ознаменованъ былъ ограбленіемъ кафе, мелочныхъ лавокъ и частныхъ жилищъ, а равно и убійствами двоихъ жителей: семидесяти-лѣтняго Робера и шестидесятипятилѣтняго Аро. Второй изъ нихъ убитъ былъ въ ту минуту, когда мирно жевалъ кусочекъ хлѣба.

Въ Рэенвилье нѣмцы, 26 августа, схватили на улицѣ кюрэ и нѣкоего Нуаркле. Трупы обоихъ этихъ людей найдены были, много времени спустя, зарытыми въ полѣ, въ нѣсколькихъ стахъ метрахъ отъ деревушки. Тѣла ихъ находились въ состояніи полнаго разложенія, поэтому нельзя было установить, какія раны получилъ кюрэ. Что же касается Нуаркле, то голова его найдена была въ могилѣ, положенной рядомъ съ его тѣломъ, около бедеръ.

Въ той же коммунѣ сожжено было 27 домовъ. Поджигателей никто не видѣлъ, но жители подобрали послѣ пожара нѣкоторое количество воспламеняющихся прутиковъ, которыми нѣмцы очень ча-

сто пользуются для учиненія поджоговъ и которые крестьяне прозвали «макаронами».

Въ Ляматѣ баварцы 24 августа застрѣлили семидесяти-лѣтняго старика, по фамиліи Люи, который вышелъ за дверь дома для своей надобности. Этотъ несчастный получилъ по меньшей мѣрѣ десятокъ пуль въ грудь. Зять его, страдающій чахоткой въ послѣдней степени, былъ взятъ и уведенъ, и съ тѣхъ поръ о немъ нѣтъ никакихъ извѣстій. Двое другихъ жителей, въ той же коммунѣ, взятыхъ въ одно время съ нимъ, въ настоящее время находятся въ Баваріи.

«Что вы хотите... На то и война!»

Во Фрэнбуа, 29 августа, арестованъ былъ мѣстный кюрэ, аббатъ Матье, которому ложно поставлено въ вину, будто въ его приходѣ стрѣляли по нѣмцамъ. За время своего шестнадцатидневнаго плѣна, онъ былъ очевидцемъ убійства двухъ французовъ: г. Пуасонье изъ Жербевилье и г. Виктора Мейера изъ Фрэнбуа. Первый изъ нихъ, немощный человѣкъ, едва держащійся на ногахъ, обвиненъ былъ въ томъ, что слѣдовалъ съ цѣлью шпіонства за арміями; а второй арестованъ былъ за то, что его дочурка подобрала кончикъ телефонной проволоки, оборванной разрывомъ шрапнели. Однажды, около 6 часовъ утра, баварскіе офицеры произвели подобіе суда, прочтя какую то бумагу на нѣмец-

комъ языкѣ и заставивъ голосовать восьмерыхъ или девятерыхъ молодыхъ поручиковъ, которымъ для этого розданы были бюллетени. Приговоръ произнесенъ былъ единогласный, и обоихъ осужденныхъ предупредили, что имъ предстоитъ умереть; позванъ былъ священникъ, что бы оказать имъ религіозное утѣшеніе. Они увѣряли въ своей невиновности и со слезами умоляли о пощадѣ, но ихъ принудили стать на колѣни подлѣ бугорка вдоль дороги и взводъ изъ двадцати солдатъ, поставленныхъ въ два ряда, дважды произвелъ по нимъ залпъ изъ ружей.

Деревушка Фрэнбуа, была разграблена, а отнятое добро нагружено на возы. Когда же аббатъ Матье обратился къ генераламъ Таннэру и Клаусу съ жалобой на то, что сожгли его пчельникъ, то первый изъ нихъ просто отвѣтилъ ему: «Что вы хотите! на то и война». А второй даже не счелъ нужнымъ отвѣтить.

Въ Монъ сожжено было, при помощи керосина, три дома.

Въ Эрименилѣ непріятель, вступившій туда 24 августа, совершилъ 29 числа чудовищныя преступленія. Жителямъ предложено было удалиться въ церковь, и тамъ ихъ продержали четверо сутокъ; а тѣмъ временемъ дома ихъ были разграблены и французы бомбардировали селеніе. Однимъ снарядомъ было убито въ церкви 24 человѣка. Когда одна женщина, которой съ большимъ трудомъ удалось выйти на минутку, вернулась съ небольшимъ количествомъ молока для дѣтей, то капитанъ, въ ярости отъ того, что допустили выйти

эту плѣнницу, воскликнулъ: «Я не хотѣлъ, что бы отпирались двери. Я хотѣлъ, что бы французы стрѣляли по своему собственному народу». Тотъ же самый капитанъ вскорѣ послѣ этого, совершилъ возмутительно-жестокій поступокъ. Съ моноклемъ въ глазу, онъ присутствовалъ при выходѣ изъ дома г-жи Вэнже, молодой, двадцати-трехъ-лѣтней женщины, съ ея тремя слугами: одной дѣвушкой и двумя молодыми людьми, всѣ по восемнадцати лѣтъ отъ роду, которые, повинуясь общему приказу, направлялись въ церковь. Но ихъ походка этому офицеру показалась черезчуръ медленной, и онъ отрывистой командой приказалъ своимъ солдатамъ дать по нимъ залпъ, и четыре жертвы пали, сраженныя на смерть. Трупы ихъ нѣмцы два дня продержали на улицѣ.

На слѣдующій день они разстрѣляли нѣкоего Бокеля, который, не зная о данномъ приказаніи, остался у себя дома. Равнымъ образомъ, они убили на дому семидесятисеми-лѣтняго г. Флёрантэна. Возможно, что этотъ старикъ, получившій нѣсколько пуль въ грудь, убитъ былъ, благодаря своей глухотѣ, которая помѣшала ему разобрать требованія непріятеля.

Убитъ на глазахъ сына.

Въ этой коммунѣ сожжено было, при помощи керосина, двадцать два дома. Раньше чѣмъ поджечь

домъ г-жи Комбо, солдаты взрыли землю въ ея подвалѣ и откопали тамъ и завладѣли найденными 600 франками.

23 августа, подростокъ Симонэнъ пятнадцати съ половиной лѣтъ, возвращался изъ Домбаль въ Адивилье, гдѣ онъ жилъ. Увидѣвъ его, нѣмцы взяли ружья на прицѣлъ, и захватили его. Для начала они его избили, а затѣмъ какой то солдатъ, по приказу офицера, увелъ его. По дорогѣ онъ увидѣлъ метрахъ въ пятидесяти отъ себя своего отца, который его звалъ. Тогда его конвойный привязалъ мальчика къ телеграфному столбу и затѣмъ выстрѣлилъ въ Симонэна отца, который упалъ, харкая кровью, и почти тутъ же скончался. Молодому же человѣку, тѣмъ временемъ, удалось высвободиться отъ своихъ путъ и убѣжать; вдогонку ему сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, и одна пуля пробила его куртку.

Въ Маньерѣ, гдѣ сожжено было только одно зданіе, какой то нѣмецъ, въ концѣ августа, пробрался со своимъ ружьемъ въ домъ нѣкоего Лёрана и принудилъ укрывавшуюся тамъ двѣнадцати лѣтнюю дѣвочку отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ спальную. Несмотря на ея слезы и безпрерывный громкій крикъ, онъ дважды ее изнасиловалъ. Бѣдняжка была ошеломлена отъ страха. Впрочемъ, солдатъ этотъ былъ такой свирѣпый, что заступиться за дѣвочку не посмѣлъ даже самъ Лёранъ.

Въ Круамарѣ нѣмцы, 25 августа, освирѣпѣли отъ того, что имъ пришлось отступать, и принялись стрѣлять по всѣмъ встрѣчнымъ людямъ. Какой то уланскій офицеръ, только что убивъ въ

полѣ изъ своего револьвера нѣкоего Крижеля, который копалъ картофель, замѣтилъ возвращавшихся съ работы Матона и Барбье. Подъѣхавъ къ нимъ на своей лошади, онъ приказалъ имъ остановиться и стать у бугра. Крестьяне сперва думали, что онъ хочетъ, такимъ образомъ, оградить ихъ отъ раздававшихся со всѣхъ сторонъ ружейныхъ выстрѣловъ, но эта ихъ иллюзія скоро разсѣялась, когда они увидѣли, что онъ заряжаетъ свой револьверъ. Во время этой операціи онъ уронилъ три патрона и велѣлъ Матону и Барбье ихъ подобрать. Послѣдній, подавая ему ихъ, сказалъ: «не дѣлайте намъ худо; мы идемъ съ полевыхъ работъ».—«Не пощажу, французскія свиньи,—отвѣтилъ офицеръ,—капутъ!» и онъ произвелъ въ нихъ два выстрѣла. Увернувшійся внезапно Матонъ, благодаря своему маневру, былъ раненъ лишь въ правое плечо, а рисковалъ получить пулю прямо въ грудь; что же касается Барбье, то пуля перебила ему оба большіе пальца и оцарапала указательный.

Въ Рэмерэвилѣ, 7 сентября, непріятель подъ лживымъ предлогомъ, что жители стрѣляли по немъ съ колокольни, поджегъ дома при помощи ракетъ. Уцѣлѣли отъ пожара лишь нѣсколько зданій. Раньше же, чѣмъ быть сожженной, деревушку подверглась бомбардировкѣ нѣмцевъ, которые, въ особенности, избрали своею цѣлью амбулаторію, флагъ которой имъ былъ отлично виденъ.

Сильно была ограблена коммуна Друвилль, подвергшаяся двукратному занятію германцами. 5 сентября они,—при помощи факеловъ и несомнѣнно также керосина, такъ какъ бросили на мѣстѣ

преступленія жестянку, вмѣщавшую отъ 25 до 30 литровъ,—выжгли тридцать пять домовъ.

Обезчещенныя монахини.

Въ Курбэсо, 5 сентября, тоже былъ произведенъ пожаръ и грабежъ. Сгорѣло 19 домовъ. Нѣкто Аликсъ, который попробовалъ гасить подожженный у него стогъ сѣна, подвергся ружейному обстрѣлу, и долженъ былъ спасаться самъ.

Наконецъ, 23 августа, въ Эрбевилье, какой то саксонскій капитанъ, изобрѣлъ весьма практичный способъ добывать себѣ деньги. Приказавъ собраться мужчинамъ деревушки въ одно мѣсто, онъ тщетно старался, сперва даже угрожая имъ разстрѣломъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ заявилъ, что здѣсь стрѣляли въ его часовыхъ, хотя онъ отлично зналъ, что это была ложь; затѣмъ онъ заперъ ихъ въ одной ригѣ. Вечеромъ же онъ велѣлъ привести къ себѣ жену г. Жана, прежняго учителя, который былъ въ числѣ плѣнниковъ, и сказалъ ей: «Я не увѣренъ, что стрѣляли именно эти люди; и они завтра будутъ на свободѣ, если вы немедленно внесете мнѣ 1000 франковъ». Г-жа Жанъ заплатила. По ея просьбѣ, ей выдана была расписка; и заложники были отпущены.

Расписка, выданная этимъ офицеромъ, составлена была въ такихъ выраженіяхъ: «Эрбевилье, 23 августа, 1914 г. Квитанція. Въ наказаніе за подо-

зрѣнiе въ стрѣльбѣ по германскимъ часовымъ, въ ночь съ 22 по 23 августа, я получилъ отъ коммуны Эрбевилье 1000 (тысячу) франковъ. Баронъ (попись неразборчива)».

Въ одной коммунѣ департамента Мэрты и Мозеля, двѣ монахини въ теченiе нѣсколькихъ часовъ безъ всякой защиты были во власти одного солдата, который угрозой заставилъ ихъ раздѣться, а затѣмъ, принудивъ ту, которая была постарше, снять съ него сапоги, предался безстыдному дѣлу съ младшей. Данное нами обязательство не позволяетъ намъ открыть имена жертвъ этой отвратительной сцены, а равно и мѣстности, гдѣ все это происходило, но факты открыты были намъ подъ присягой лицами, достойными полнаго довѣрiя, и мы принимаемъ на себя отвѣтственность доказать ихъ точность.

Разстрѣлъ беременной.

Во время нашего пребыванiя въ Нанси и въ Люнэвилѣ, мы имѣли случай собрать множество показанiй, касательно совершенныхъ нѣмцами преступленiй и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя еще заняты непрiятельскими войсками и большая часть обитателей которыхъ, подверглась выселенiю.

Наиболѣе разительные изъ такихъ случаевъ произошли въ деревушкѣ Эмбермэниль. Въ концѣ октября или въ началѣ ноября, непрiятельскiй

патруль встрѣтилъ въ окрестностяхъ этой коммуны молодую женщину, по фамиліи Масонъ, находившуюся въ явно беременномъ состояніи; патруль спросилъ ее, нѣтъ ли французскихъ солдатъ въ Эмберменилѣ. Она отвѣтила, какъ это и было въ дѣйствительности, что не знаетъ. Вступившіе послѣ этого въ деревню нѣмцы, встрѣчены были ружейными выстрѣлами французовъ. 5 ноября сюда прибылъ отрядъ 4-го баварскаго полка, собралъ всѣхъ жителей передъ церковью; и затѣмъ офицеръ спросилъ, кто тотъ человѣкъ, который ихъ предалъ. Заподозривъ, что рѣчь можетъ касаться той встрѣчи, которая случилась у нея за нѣсколько дней передъ тѣмъ, и сознавая ту опасность, въ которую могутъ быть поставлены ея сограждане, г-жа Масонъ смѣло выступила впередъ и повторила что говорила тогда, утверждая, что говоря это, она вполнѣ такъ думала сама. Ее тотчасъ же схватили и заставили сѣсть на скамьѣ рядомъ съ молодымъ человѣкомъ двадцати-четырехъ лѣтъ, нѣкіимъ Димъ, котораго забрали на удачу, въ качествѣ второй жертвы. Все населеніе просило пощадить несчастную, но нѣмцы были непоколебимы. «Одинъ мужчина и одна женщина должны быть разстрѣляны,—отвѣчали они.—Такъ приказалъ полковникъ. Что вы хотите! На то война». И тогда восьмеро солдатъ выстроенныхъ въ два ряда, въ присутствіи всей деревни произвели троекратный залпъ въ обоихъ мучениковъ. Домъ свекра г-жи Масонъ вслѣдъ затѣмъ преданъ былъ огню, а за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, сожженъ былъ и домъ нѣкоего Бляншена.

Г-жа Мило изъ Домэвръ-на-Везузѣ, сообщила намъ разсказъ о томъ, какъ совершено было убійство ея семнадцати-лѣтняго племянника, Мориса Клода, чему она сама была очевидцемъ. 24 августа, во время вступленія нѣмцевъ въ Домэвръ, этотъ молодой человѣкъ находился со своей семьей у порога крыльца родительскаго дома, когда онъ вдругъ замѣтилъ, что въ него прицѣлился съ улицы одинъ изъ солдатъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, чтобы укрыться, но это ему не удалось, и въ него попало три пули. Будучи раненъ въ животъ, въ поясницу и въ бедро, онъ скончался на третьи сутки, явивъ примѣръ изумительной покорности судьбѣ. Когда онъ почувствовалъ, что все погибло, то сказалъ своей, пришедшей въ отчаяніе, матери: «я вполнѣ могу умереть за мою родину».

Въ тотъ же самый день, тоже были убиты Огюстъ Клодъ и семидесяти-пяти-лѣтній Адольфъ Клодъ; и въ деревнѣ сожжено было при помощи патроновъ, 136 домовъ. Наконецъ, двое жителей забраны были въ качествѣ заложниковъ; а что съ ними произошло впослѣдствіи—неизвѣстно.

Безцѣльныя убійства.

Г. Веронъ, прежній учитель изъ Одэнъ-лё-Романъ, округа Бріэ, далъ намъ свое показаніе въ нижеслѣдующихъ выраженіяхъ: «21 августа, около 5 часовъ вечера, нѣмцы, стоявшіе въ деревнѣ

уже семнадцать дней, вдругъ безъ всякаго повода начали ружейную и пулеметную стрѣльбу по домамъ. Четыре женщины были ранены; при чемъ одна изъ нихъ ранена была въ ту минуту, когда подавала пить какому то германскому солдату. Убито было трое мужчинъ: семидесяти-восьми-лѣтній земледѣлецъ Мартэнъ, домъ котораго былъ сожженъ, выведенъ былъ на улицу и здѣсь, въ присутствіи своей жены и своихъ дѣтей, былъ разстрѣлянъ. Пятидесяти - пяти - лѣтній канализаціонный староста Шари, убитъ былъ въ ту минуту, когда, спасаясь отъ пожара, бѣжалъ, держа за руку свою жену. Я видѣлъ его трупъ; онъ былъ изрѣшетенъ пулями. Эрнэстъ Саманъ получилъ пять револьверныхъ пуль въ ту минуту, когда запиралъ ворота своей конюшни. Я видѣлъ, какъ непріятель поджигалъ, при помощи керосина, кафе Матъ. Когда наружу вышла г-жа Матъ, держа въ рукахъ свой сакъ со всѣми ея сбереженіями, около 2.000 фр., то нѣмецкій офицеръ обобралъ ее, вырвавъ у нея ея сакъ».

Свидѣтель добавляетъ, что мэра, вѣроятно, увелъ патруль, такъ какъ онъ, во всякомъ случаѣ, исчезъ.

Въ Аракурѣ, нѣкто Майяръ, убитъ былъ въ полѣ пулей, которая пронизала его насквозь; а пять домовъ было сожжено.

Деревушка Брэнъ-на-Сэлѣ почти до тла была истреблена пожаромъ, который зажженъ былъ патронами и плитками. И, наконецъ, одна жена мобилизованнаго изъ Рокура, заявила намъ, что была, въ присутствіи ея трехъ съ половиной-лѣтняго

ребенка, изнасилована у нея на дому какимъ то солдатомъ, который приставилъ ей къ груди остріе своего штыка, чтобы одолѣть оказанное ею сопротивленіе.

Уаза

Въ департаментѣ Уазы мы засвидѣтельствовали нижеслѣдующіе факты:

Когда нѣмцы проникли 31 августа въ деревню Монши-Юмьеръ, на улицѣ была группа, человѣкъ изъ пятнадцати, которые смотрѣли на вступленіе. При этомъ не было произведено ни единаго вызывающаго акта, но какому то офицеру послышалось, будто кто то сказалъ слово «Пруссакъ»; тогда онъ тотчасъ вызвалъ изъ отряда троихъ драгунъ и приказалъ имъ открыть стрѣльбу. Молодой человѣкъ Гастонъ Дюпюи былъ убитъ; у нѣкоего Гранвале пуля пробила плечо; а одна четырехлѣтняя дѣвочка изъ семьи бѣженцевъ изъ Вердэна, была легко ранена въ шею.

На слѣдующій день разграблена была коммуна Равнэль, а всѣ забранныя вещи увезены были на особой подводѣ. Проѣзжавшій на велосипедѣ по дорогѣ, вблизи деревни, нѣкто Вилетъ, встрѣтилъ автомобиль, на которомъ было много нѣмцевъ. И они безъ всякой причины принялись въ него стрѣлять. Тогда онъ спрыгнулъ со своей машины на землю и бросился бѣжать черезъ поле, но одна пуля его настигла, и онъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого, оставивъ вдову и двухъ сиротъ.

Въ тотъ же самый день, близъ Мэри, непріятель открылъ огонь по орудіямъ англійской баттареи, стоявшей въ мѣстности, называемой «Конецъ города», а между кавалерійскими отрядами обѣихъ армій, завязалась перестрѣлка. Въ это время нѣмцы заняли расположенный близъ коммуны сахарный заводъ. Они забрали его директора со всей семьей и всѣмъ заводскимъ персоналомъ и, въ теченіе трехъ часовъ, пока длился этотъ бой, принуждали ихъ идти рядомъ съ ними, укрываясь за нихъ отъ фланговой стрѣльбы. Въ числѣ 85 человѣкъ, подвергавшихся такой опасности, находились женщины и дѣти. Г-жа Жансэнъ была убита; а рабочій десятникъ получилъ пулю, которая пробила ему лѣвую руку. Въ 10 часовъ вечера непріятель съ подкрѣпленіями вернулся въ деревню. На слѣдующій день онъ снова ее покинулъ, подвергнувши предварительно полному разграбленію и сжегши одинъ домъ.

Стрѣльба по раненымъ.

2 сентября непріятель вступилъ въ Санлисъ и встрѣченъ былъ ружейной стрѣльбой африканскихъ войскъ. Считая, что по немъ стрѣляли не военные, онъ предалъ огню два квартала города. Сто пять домовъ сожжено было слѣдующимъ образомъ. Нѣмцы выступили на улицы колонной; по свистку одного изъ офицеровъ, нѣкоторые изъ нихъ вы-

шли изъ рядовъ, чтобы выломать двери домовъ и витрины магазиновъ; за ними явились другіе, которые произвели при помощи гранатъ и ракетъ поджоги; наконецъ, слѣдовавшіе за ними патрули стрѣляли изъ своихъ ружей особыми воспламеняющимися снарядами по тѣмъ домамъ, которые еще не загорѣлись.

Въ то время, какъ французскіе солдаты вели стрѣльбу съ окраинъ города, заложники, взятые нѣмцами на улицахъ, принуждены были идти по срединѣ дороги, тогда какъ сами нѣмцы благоразумно пробирались по тротуарамъ. Такимъ образомъ, риску смерти, въ числѣ прочихъ заложниковъ, подвергались жители: Лёвасэръ, Пэншо, Минуфле и Лемари и г-жа Доши со своей пятилѣтней дочкой. Лёвасэръ убитъ былъ возлѣ госпиталя. Вскорѣ палъ въ свою очередь смертельно раненый Лемари. Минуфле, когда переносилъ его подъ защиту стѣны, раненъ былъ въ колѣно. Одинъ офицеръ подошелъ къ нему и велѣлъ ему показать свою рану и вдругъ въ упоръ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера и ранилъ въ плечо. На этомъ же самомъ мѣстѣ одинъ очевидецъ видѣлъ, какъ какой то офицеръ мучилъ французскаго раненаго солдата, избивая его палкой по лицу.

Въ это же время совершено было нѣсколько убійствъ. Нѣкоего Симона выволокли изъ его дома и убили ружейнымъ выстрѣломъ въ бокъ. Въ два часа нѣмцы вышибли двери дома нѣкоего Мегрэ. Тогда этотъ послѣдній вышелъ къ нимъ на встрѣчу и обѣщалъ отдать имъ все, чего они попросятъ, и принесъ имъ десять бутылокъ вина. И былъ убитъ

выстрѣломъ изъ ружья, прямо въ грудь. Жители: Рамю, Вилькокъ, Шамбелянъ и Годэ изъ любопытства пошли смотрѣть пожаръ подожженнаго отступавшими французскими войсками провіантскаго магазина. И непріятельскіе солдаты стрѣляли по нимъ нѣсколько разъ. Рамю былъ раненъ, Годэ убитъ наповалъ, Шамбелянъ получилъ двѣ пули, одну въ правую руку, а другую подъ лопатку и умеръ отъ нихъ на восьмой день. Точно также убиты были въ Санлисѣ еще семь человѣкъ.

Въ три часа дня въ городской думѣ арестованъ былъ мэръ Санлиса г. Оданъ. Предлогомъ выставлено было то, что будто гражданское населеніе стрѣляло по нѣмецкимъ войскамъ, противъ чего онъ протестовалъ. Когда его вели, то возлѣ гостинницы Большого Оленя къ нему подошелъ секретарь мэріи и предложилъ ему пойти разыскать его помощниковъ. Но онъ отвѣтилъ ему: «Это безполезно. Достаточно и одной жертвы». Пока его вели въ Шаманъ, онъ дорогой подвергся возмутительно жестокому обращенію. У него выхватили его перчатки, что бы швырнуть ими ему въ лицо; у него схватили его трость, чтобы жестоко избить по головѣ. Наконецъ, около 11 часовъ его привели къ тремъ офицерамъ. Одинъ изъ нихъ сталъ его допрашивать, настаивая на своемъ обвиненіи, что жители стрѣляли по нѣмцамъ и предупреждая его, что ему предстоитъ смерть.

Тогда г. Оданъ приблизился къ своимъ компаньонамъ по неволѣ, передалъ имъ свои бумаги и деньги, пожалъ имъ руки и съ достоинствомъ распрощался съ ними. Послѣ этого онъ вернулся

къ офицерамъ. По приказу этихъ послѣднихъ, двое солдатъ отвели его на десятокъ метровъ въ сторону и пустили ему въ голову двѣ пули. Затѣмъ убійцы слегка разрыли землю и побросали на трупъ немного земли, которая даже не закрыла ногъ. За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, въ 200 метрахъ оттуда, разстрѣляны были и зарыты шестеро другихъ жителей Санлиса: Помье, Барбье, Обэръ, Котро, Риго Артюръ и Дэверъ.

Въ тотъ же самый вечеръ, одинъ булочникъ, по фамиліи Жандэнъ, котораго безъ всякой причины арестовали въ 3 или 4 часа пополудни, приведенъ былъ 49 пѣхотнымъ померанскимъ полкомъ въ Вилье-Сэнъ-Фрамбуръ, привязанъ къ столбу и изрѣшетенъ штыковыми ударами.

Само собой разумѣется, что городъ Санлисъ былъ разграбленъ. Производя этотъ грабежъ, непріятель забавлялся тѣмъ, что разжигалъ въ населеніи дурные инстинкты, зазывая неимущихъ женщинъ, чтобы подѣлиться съ ними своей добычей.

Въ Вилье-Сэнъ-Фрамбуръ, одна женщина изнасилована была забравшимся къ ней солдатомъ. Послѣ этого покушенія она укрылась у сосѣдей. Предосторожность эта оказалась не лишней, такъ какъ въ домъ ворвалось нѣсколько товарищей насильника; разозленные, что не застали жертву, которую искали, они перебили стекла, и забрали найденныхъ въ домовыхъ пристройкахъ куръ, кроликовъ и свинью.

3 сентября, въ Крэй, нѣмцы, подъ руководствомъ одного капитана, который пытался заставить нѣкіихъ Гійо и Дэмонъ указать ему дома

самыхъ богатыхъ жителей города,—бросились по домамъ и, ломая двери и окна, занялись грабежомъ при соучастіи своего начальства, которому они все время показывали тѣ драгоцѣнности, которыми завладѣвали. Потомъ эти Гійо и Дэмонъ выведены были въ поле, гдѣ ихъ присоединили къ сотнѣ другихъ жителей Крэй, Ножана-на-Уазѣ и окрестностей. Всѣмъ этимъ плѣнникамъ пришлось подвергнуться позору и огорченію работать противъ обороны своей родины, такъ какъ ихъ заставили срѣзать поле маиса, который мѣшалъ непріятельской стрѣльбѣ, и рыть траншеи, предназначавшіяся для укрытія нѣмцевъ. Ихъ продержали семь сутокъ, не давая никакой пищи. Къ счастью, ихъ могли немного поддерживать питаніемъ мѣстныя женщины.

Въ городѣ, тѣмъ временемъ, подверглось смерти много людей. Нѣкто Паранъ, спасавшійся отъ опасности, убитъ былъ на улицѣ Виктора Гюго ружейнымъ выстрѣломъ какого то улана. Едва онъ упалъ, какъ кавалеристы бросились на него, чтобы обшарить его карманы. На углу улицъ Гамбетты и Карно, снесли черепъ нѣкоему Александру. Нѣмцы зашли въ распивочное заведеніе г. Брэшъ. Найдя, очевидно, что онъ недостаточно торопился имъ служить, они увели его во дворъ его сосѣдки г-жи Эгасъ, и тамъ одинъ офицеръ, обвинивъ его, будто онъ стрѣлялъ въ его солдатъ, несмотря на его оправданія, приказалъ, чтобы его тутъ же разстрѣляли. Г-жа Эгасъ попробовала было умилостивить палачей, но ей грубо приказано было убраться. Изъ комнатъ, куда она удалилась, она слышала,

какъ раздались выстрѣлы и потомъ увидѣла изъ окна тѣло Брэша распростертымъ на землѣ. Сойдя снова внизъ, она не могла сдержаться и не высказать всей чувствуемой ею скорби. Тогда офицеръ отвѣтилъ ей: «Мертвый человѣкъ! Мы на это уже не обращаемъ вниманія, столько ихъ перевидали! Впрочемъ, мы убиваемъ и жгемъ всюду, гдѣ въ насъ стрѣляютъ».

Одинъ молодой человѣкъ, по фамиліи Однэръ, принужденъ былъ тащить мѣшокъ риса отъ Ліанкура до Крэй. Достигнувъ до Церковной площади, онъ былъ совершенно выбившись изъ силъ отъ утомленія и вынесеннаго дурного обращенія, и бросивъ свою ношу, попытался скрыться. Но двое солдатъ прицѣлились, дали выстрѣлъ и убили его. Его компаньонъ по плѣну, по фамиліи Лебэфъ, вслѣдствіе полученной въ пути раны, умеръ въ Крэй нѣсколько дней спустя.

Армія генерала фонъ-Клука вступила въ Крэпи-сенъ-Валюа 2 сентября и шла черезъ него въ теченіе четырехъ дней. Городъ на глазахъ офицеровъ разграбленъ былъ до тла. Въ особенности пострадали ювелиры.

Награда солдатамъ за воровство.

Въ одномъ домѣ, гдѣ помѣщались какой то командующій генералъ съ дюжиной офицеровъ своего штаба, произведено было крупное воровство драго-

цѣнностей и тонкаго бѣлья. Почти всѣ несгораемые шкафы въ Крэпи были взломаны.

3-го сентября въ Баронъ, извѣстный композиторъ и артистъ крупнаго таланта Альбэрикъ Маньяръ сдѣлалъ два револьверныхъ выстрѣла по захватившимъ его помѣстье нѣмецкимъ войскамъ. Одинъ солдатъ былъ убитъ, другой раненъ. Но нѣмцы, въ другихъ мѣстахъ предававшіеся безъ всякаго основанія крайнимъ жестокостямъ, на этотъ разъ ограничились тѣмъ, что сожгли виллу оказавшаго имъ сопротивленіе человѣка; этотъ же послѣдній, что бы не попадаться имъ въ руки, самъ убилъ себя. Коммуна, однако, была разграблена. У нотаріуса, г. Робера, украли драгоцѣнности, бѣлье и 1471 бутылку вина; и, кромѣ того, заставили отперeть его несгораемый шкафъ, изъ котораго одинъ офицеръ забралъ оказавшіеся тамъ 8300 франковъ. Вечеромъ же онъ видѣлъ другого офицера, на пальцахъ котораго надѣто было 9 дамскихъ перстней, а на рукахъ полдюжины браслетъ. Впрочемъ, двое солдатъ сами ему разсказывали, что когда они приносятъ своему начальству какія нибудь драгоцѣнности, то получаютъ 4 марки въ награду.

Въ этой же коммунѣ была послѣдовательно изнасилована двумя солдатами, одна молодая, изъ числа наиболѣе почтенныхъ семей, женщина, мужъ которой былъ мобилизованъ. А одинъ изъ ея насильниковъ, пока другой, послѣ него, совершалъ надъ ней свое преступленіе, обворовалъ шкафъ.

Вечеромъ, 4 сентября, въ Мениль-на-Бюлѣ, прибыло трое нѣмцевъ, изъ коихъ двое были на

повозкѣ, а третій—на велосипедѣ; они явились къ помощнику мэра, г. Гюставу Кэстъ. Этотъ послѣдній не понялъ ихъ и просилъ своего кузена, г. Кэста, учителя амьенскаго лицея, быть его переводчикомъ. Исполнивъ эту обязанность, учитель возвратился къ себѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ заслышалъ выстрѣлъ и вышелъ узнать, что такое произошло. Тутъ онъ оказался лицомъ къ лицу съ однимъ изъ тѣхъ солдатъ, съ которыми только что разговаривалъ въ домѣ своего родственника; солдатъ былъ до послѣдней степени пьянъ, выстрѣлилъ въ него и убилъ.

Тѣ же самые трое солдатъ, проходя черезъ Нураръ-лё-Франъ, при помощи взятыхъ ими на своей повозкѣ факеловъ, подожгли семь домовъ. За нѣсколько часовъ до ихъ прибытія въ Мэниль-на-Бюлѣ, въ этой коммунѣ уже побывалъ на развѣдкахъ уланскій разъѣздъ. Кавалеристы, выломивъ двери, забрались къ нѣкоему Амэдэю Кестъ и разбивъ шкафы, забрали много драгоцѣнностей и 60 фр. деньгами.

Въ Шуази-о-Бакъ, гдѣ нѣмцы находились съ 31 августа, они 1-го и 2 сентября сами подожгли 45 домовъ, совершенно ложно ссылаясь на то, что въ нихъ стрѣляли; но раньше, чѣмъ учинить поджогъ, они въ присутствіи своихъ офицеровъ занялись общимъ грабежомъ, при чемъ все отнятое у жителей, увезено было въ фургонахъ. Два военныхъ врача, носившіе на рукахъ перевязи Краснаго Креста, самолично ограбили домъ г-жи Бендэръ.

Нѣкто Морэль, по профессіи рабочій-столяръ, будучи въ своемъ саду, получилъ отъ проходившаго

по дорогѣ солдата ружейную пулю въ спину и на другой день скончался. 8 сентября забраны были въ качествѣ заложниковъ и уведены четверо молодыхъ людей. Одному изъ нихъ удалось убѣжать. Товарищъ же его, Рэнэ Леклеркъ, говорятъ, разстрѣлянъ былъ въ Бэмэ (Энъ); что касается остальныхъ двухъ, то неизвѣстно, что съ ними случилось.

Въ Компьенѣ, гдѣ непріятель оставался съ 31 августа по 12 сентября, замокъ остался въ относительной неприкосновенности, и замѣченныя похищенія въ немъ, не особенно значительны. Но большее количество частныхъ строеній подверглось грабежу. Такъ, буквально опустошенъ былъ домъ графа Орсэтти, расположенный напротивъ замка. Въ особенности старались унтеръ-офицеры. Все серебро, драгоцѣнности, художественные предметы были снесены во дворъ, провѣрены, переписаны, запакованы и уложены на два фургона, на которыхъ подняты были флаги Краснаго Креста.

Когда капитана Шрэдэра попросили остановить грабежъ и разошедшуюся по всей виллѣ возмутительную оргію, то онъ подъ конецъ явился на мѣсто происшествія; но заглянувъ мелькомъ во внутренность опустошенной виллы, онъ ушелъ, сказавъ: «Такова война; впрочемъ, мнѣ не до того».

4 сентября какой то солдатъ явился на ночевку въ одно помѣщенье, привратницей котораго была женщина **,; угрожая своимъ ружьемъ, онъ выгналъ мужа и всѣхъ родственниковъ этой женщины и ее самою принудилъ провести съ нимъ всю ночь.

———

Подлое убійство офицеромъ двухъ бельгійцевъ.

Въ Трюмійи, гдѣ нѣмцы пробыли со 2-го по 4-ое сентября, они разграбили всю коммуну и все наворованное увезли въ своихъ зарядныхъ ящикахъ и на повозкахъ. Въ первый же день, нѣкая г-жа Гюэ, у которой помѣстилась часть штаба 19 драгунскаго Гановерскаго полка и немалое число солдатъ, увидѣла, какъ одинъ унтеръ-офицеръ завладѣлъ шкатулкой, въ которой находилось, приблизительно, на 10.000 фр. драгоцѣнностей. Она пошла съ жалобой къ полковнику, но тотъ удовольствовался тѣмъ, что съ улыбкой отвѣтилъ: «Весьма сожалѣю, сударыня. Но на то и война».

3 сентября, когда ушли непріятельскія войска, въ этой мѣстности еще остались отсталые. Одинъ изъ нихъ, солдатъ 91-го пѣхотнаго полка, на медали котораго было вырѣзано слово «Ahne», укралъ въ домѣ г-жи Гюэ: у прислуги 115 фр., у хозяйки дома—300 и у нѣкоего Корниле—400 фр. Отправившись затѣмъ къ г-жѣ **, мужъ которой былъ на войнѣ, онъ угрожая ей своимъ ружьемъ, принудилъ ее отдаться ему.

Во время занятія нѣмцами этой коммуны, тотъ самый г. Корниле, ,который уже былъ жертвой вышеупомянутаго грабежа, помѣстилъ у себя одного офицера. И по отбытіи этого гостя оказалось, что изъ шкафа, бывшаго въ той комнатѣ, гдѣ ночевалъ этотъ нѣмецъ, исчезла сумма въ 150 фр. Наконецъ, одинъ семидесятилѣтній старикъ, по фамиліи Коля, подвергся на улицѣ обыску со сто-

роты какого то солдата и былъ имъ обворованъ на 30 франковъ.

Самый серьезный проступокъ изъ всѣхъ, открытыхъ намъ въ департаментѣ Уазы, совершенъ былъ по близости отъ Маркэглизъ, однимъ офицеромъ, носившимъ высокій чинъ. Двое молодыхъ людей, по фамиліи Шарле и Габэ, родомъ изъ Сэнъ-Кантэна, отправились къ себѣ на родину изъ Парижа, чтобы явиться къ призыву на военную службу; по дорогѣ, они сошлись съ двумя бельгійскими подданными, которые ѣхали къ себѣ домой, въ Жемаппъ; эти послѣдніе предложили имъ сѣсть въ свою повозку; и такъ, вчетверомъ, они проѣхали до деревушки Рэсонъ, гдѣ были арестованы германскими войсками. Ихъ связали и привели на территорію Маркэглизъ, гдѣ они предстали на допросъ какого то высшаго офицера. Узнавъ, что двое изъ нихъ были бельгійскаго происхожденія, этотъ офицеръ высказалъ, что бельгійцы — «паршивый народъ» и безъ всякихъ разсужденій, выхватилъ револьверъ и, разъ за разомъ, выстрѣлилъ въ каждаго плѣнника. Оба бельгійцы и молодой Габэ получили заряды въ голову и были убиты на повалъ; Шарле же, будучи раненъ въ затылокъ и правое плечо, притворился убитымъ, а по уходѣ убійцы, смогъ уползти на нѣкоторое разстояніе. До своего отправленія въ Компьенъ, гдѣ онъ на другой день скончался, этотъ несчастный успѣлъ разсказать аббату Буле, кюрэ Маркэглизъ, подробности о подломъ убійствѣ, жертвою котораго пали его товарищи и онъ самъ.

Энъ

Въ тѣхъ коммунахъ департамента Энъ, которыя мы могли посѣтить, намъ въ особенности пришлось засвидѣтельствовать акты грабежа и многочисленныя покушенія на женщинъ.

8 сентября, въ Конижисъ, одна женщина ** около 9 часовъ вечера подверглась грубому насилію со стороны двоихъ нѣмцевъ, которые явились въ домъ ея свекора и свекрови, вмѣстѣ съ которыми она жила, въ отсутствіе своего, взятаго въ армію мужа. Пока одинъ изъ нихъ держалъ за дверью свекора, другой, въ присутствіи свекрови, предварительно пригрозивъ молодой женщинѣ своимъ ружьемъ, накинулся на нее съ возмутительнымъ безстыдствомъ. Затѣмъ, по совершеніи своего преступленія, онъ отправился смѣнить своего товарища, который стерегъ свекора; а тотъ, въ свою очередь, завладѣлъ женщиной.

Деревушка Брюмецъ, занятіе которой длилось съ 3-го по 10-ое число, тоже была разграблена. Одинъ домъ и замокъ г. Малеси, капитана при штабѣ 6-го французскаго армейскаго корпуса, были сожжены.

Въ Шьери сожженъ былъ при помощи факеловъ и керосина, замокъ Вароль. Подожженъ

былъ также, послѣ полнаго грабежа, и замокъ Спаръ, гдѣ картины были вынуты изъ ихъ рамъ, а ковры изрублены были саблями.

Въ Жолгонѣ прусская гвардія съ 3-го по 10 сентября разграбила погреба, раскрала бѣлье и вообще причинила убытковъ на 250.000 франковъ. Кромѣ того, она сожгла одинъ домъ за то, что его владѣлецъ, будто бы, стрѣлялъ по войскамъ, тогда какъ въ дѣйствительности, онъ весь дрожа, отсиживался въ своемъ погребѣ.

Двое жителей этой коммуны были убиты. Одинъ восьмидесятисемилѣтній старикъ, по фамиліи Рампно, найденъ былъ сраженнымъ пулей въ полѣ; а другой, — шестидесяти одного года, — по фамиліи Бляншаръ, арестованъ былъ за то, что пруссаки замѣтили его, когда онъ разговаривалъ на улицѣ съ отсталымъ пѣшимъ французскимъ егеремъ, который, застрявъ въ этой деревнѣ, смогъ все-таки уѣхать на велосипедѣ, хотя по немъ направлена была живая стрѣльба. Будучи отведенъ въ окрестности Жолгонъ, Бляншаръ раненъ былъ однимъ солдатомъ штыкомъ и затѣмъ—прикончены какимъ то офицеромъ, который разможжилъ ему голову революцвернымъ выстрѣломъ.

Неизмѣнное воровство.

Въ Шармелъ нѣмцы, съ самаго своего вступленія, начали взламывать двери и врываться въ

жилища. Въ погребахъ послѣ нихъ не осталось ни одной бутылки вина; грабили они, главнымъ образомъ, брошенные дома, забирая бѣлье, серебро, драгоцѣнности и другія вещи. У учителя они забрали школьную сберегательную кассу, въ которой было 240 фр. 3 сентября въ 11 ч. вечера они подожгли замокъ г-жи Руже; того же числа одинъ изъ нихъ забрался къ одной женщинѣ и схвативъ за горло, изнасиловалъ ее.

Въ Куанси, 3 и 4 числа они опустошили погреба, разграбили пустовавшіе дома и совершили преступныя покушенія на многихъ женщинъ деревни.

Въ Бэзю-Сэнъ-Жермэнъ, 8 сентября, двое солдатъ-велосипедистовъ заявились на одну ферму и провели въ ней часть ночи; предварительно они обязали обитателей ея отправиться спать, подъ страхомъ смерти запретивъ имъ шевелиться, что бы они не услыхали. Послѣ этого одинъ изъ нихъ отправился на поиски и, заставъ въ одной комнатѣ маленькую тринадцати-лѣтнюю служанку, зажалъ ей рукою ротъ и лишилъ ее невинности. Заслышавъ громкій крикъ, дочь фермеровъ убѣжала черезъ окно и позвала помѣщавшихся по сосѣдству офицеровъ. Одинъ изъ нихъ пошелъ съ нею и приказалъ арестовать и отправить въ главную квартиру обоихъ солдатъ-велосипедистовъ, которые, какъ разъ въ это время, проходили мимо него; но на утро, когда жертву позвали узнать и указать виновника, этотъ послѣдній уже исчезъ.

3 сентября въ Крэзанси солдаты принудили восемнадцати-лѣтняго Лёсэнъ выйти изъ дома, и

тутъ одинъ офицеръ убилъ его револьвернымъ выстрѣломъ. Одинъ изъ товарищей убійцы впослѣдствіи объяснилъ, что убійство это совершено было потому, что Лёсэнъ былъ солдатъ, а въ отвѣтъ на опровержение своего собесѣдника, онъ сказалъ: «Онъ годился въ солдаты». Онъ говорилъ также, что молодой человѣкъ далъ себя такъ глупо убить потому, что, расчитывая убѣжать, онъ погасилъ горѣвшую въ комнатѣ свѣчу. А, между тѣмъ, эта свѣча была не погашена несчастнымъ Лёсэнъ, а унесена какимъ то солдатомъ, который хотѣлъ осмотрѣть домъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ офицеръ призналъ, что его товарищъ «слишкомъ поторопился съ выстрѣломъ».

Жестокое безстыдство.

Въ той же самой мѣстности, 4 сентября, арестованъ былъ нѣкій Дюпонъ, староста одной артели; онъ провинился тѣмъ, что пытался защитить свою кассу, отъ собиравшагося ограбить ее солдата. Нѣмцы ему до подбородка нахлобучили на голову кавалерійскую шапку и, связавъ за спиной обѣ руки, тѣшились надъ нимъ, заставляя взбираться по очень крутому подъему; когда же ему приходилось падать, то они осыпали его ударами и кололи штыками. 6-го числа его, въ числѣ прочихъ военноплѣнныхъ, доставили въ Шарли-на-Марнѣ, Утромъ, 8-го, его мучители, будучи вынуждены къ

отступленію, заставили его слѣдовать за отрядомъ. Но такъ какъ онъ, вслѣдствіе перенесенныхъ страданій, не могъ за ними поспѣвать, то нѣмцы, съ удвоенной силой, осыпали его ударами и тащили подъ руки. Пройдя такъ еще съ километръ, онъ убитъ былъ ударомъ пики или штыка въ сердце.

Въ Шато-Тьери, гдѣ нѣмецкія войска пробыли со 2-го по 9-ое сентября, грабежъ производился на глазахъ офицеровъ. Потомъ, послѣ того, какъ оставшіеся здѣсь по уходѣ ихъ войскъ военные врачи включены были въ обмѣнъ плѣнныхъ, когда открыли ихъ сундуки, то въ нихъ оказались вещи, награбленныя въ мѣстныхъ магазинахъ.

5 сентября, четырнадцати-лѣтняя дѣвочка **, идя за хлѣбомъ для своихъ родителей, встрѣтилась съ однимъ солдатомъ, который затащилъ ее въ лавку продавца обуви, а оттуда въ комнату, гдѣ къ нему присоединились еще двое нѣмцевъ. Подъ угрозой штыкомъ, они ее повалили на постель, и двое изъ присутствовавшихъ изнасиловали ее. Третій то же собирался послѣдовать примѣру своихъ товарищей, но внялъ мольбамъ ребенка.

Жертвой такого же грубаго насилія стала въ Вердій и тетка этой самой дѣвочки, г-жа ***, гдѣ ея семья арендуетъ одну ферму. Предварительно связавъ ея мужа, четверо солдатъ, принадлежавшихъ къ отряду тяжелой артиллеріи, гнались за нею до ближайшаго сосѣда, которому они пригрозили; а затѣмъ, одинъ изъ нихъ держалъ ее, а трое остальныхъ, одинъ за другимъ, изнасиловали.

Въ Артэнъ-э-То, суасонскаго округа, нѣмцы, какъ и повсюду, разграбили дома. На хуторѣ

7

то, они заткнули подожженной соломой отверстія одного изолированнаго погреба, въ которомъ скрылись трое мѣстныхъ жителей, принятыхъ ими за солдатъ. Всѣ эти трое людей, задохлись въ дыму.

Происшествія военнаго характера

Повсюду, гдѣ завязывались бои, оказалось безчисленное множество фактовъ, составляющихъ нарушеніе военнаго права въ отношеніи сражающихся, а именно: убійства раненыхъ или плѣнныхъ, уловки, запрещенныя международными соглашеніями; нападенія на врачей и санитаровъ. Большинство такихъ фактовъ намъ было невозможно удостовѣрить, такъ какъ очевидцами ихъ, преимущественно, являются военные, которые принуждены постоянно перемѣщаться. Впрочемъ, такіе акты упоминаются въ донесеніяхъ корпусныхъ командировъ военнымъ властямъ, которыя и могутъ, если найдутъ это умѣстнымъ, присоединить ихъ къ документамъ нашего слѣдствія. Много ихъ также засвидѣтельствовано гражданскими властями отъ очевидцевъ въ госпиталяхъ; въ настоящее время мы работаемъ надъ ихъ разборкой, съ цѣлью составленія дополнительнаго доклада. Кромѣ того, нѣкоторое число ихъ намъ доставлено непосредственно во время нашего слѣдствія.

Въ Баръ-лё-Дюкъ, главный врачъ г. Фери сообщилъ намъ по этой части нѣкоторыя, полученныя имъ самимъ по службѣ донесенія. Сержантъ Лёмеръ *** пѣхотнаго полка, заявилъ ему,

что, будучи 6 сентября, въ Рамберкурѣ, раненъ въ бедро осколкомъ ядра, онъ на цѣлыхъ восемь дней оставленъ былъ въ полѣ нѣмецкими санитарами, которые отлично его видѣли. На четвертый день онъ, по приказу осматривавшаго съ револьверомъ въ рукѣ, поле сраженія офицера, снова былъ раненъ ружейнымъ выстрѣломъ одного солдата. Впрочемъ, онъ много разъ видѣлъ вокругъ себя, какъ нѣмецкіе санитары пристрѣливали французскихъ раненыхъ.

Точно также рядовой Дрейфюсъ *** пѣхотнаго полка разсказалъ доктору Фэри о слѣдующемъ случаѣ. Будучи раненъ при Сомэнѣ, 10 сентября, онъ возвращался съ поля битвы, какъ вдругъ встрѣтилъ троихъ нѣмцевъ. Онъ сказалъ имъ на нѣмецкомъ языкѣ, что онъ раненъ, но они отвѣтили ему, что это совсѣмъ не отговорка, чтобы не всадить ему еще одну пулю и дѣйствительно, выстрѣломъ въ упоръ, попали ему въ орбиту.

Въ Вобкурѣ, одинъ пѣхотный сержантъ съ двумя солдатами застрѣлены были непріятелемъ за то, что одинъ изъ нихъ захваченъ былъ на деревенской колокольнѣ, откуда онъ могъ обмѣниваться сигналами съ французскими войсками.

22 августа нѣмецкій отрядъ явился на территорію Бонвилье (Мэрта-и-Мозэль), на ферму Птитъ Рошель, владѣлецъ которой, г. Уйонъ, пріютилъ французскихъ раненыхъ. Командовавшій разъѣздомъ офицеръ приказалъ четверымъ своимъ людямъ отправиться и прикончить девятерыхъ раненыхъ, лежавшихъ въ ригѣ. Каждый изъ нихъ получилъ по пулѣ въ ухо. Когда же г-жа Уйонъ ста-

ла просить пощадить ихъ, то офицеръ, приставивъ ей револьверъ къ груди, приказалъ ей замолчать.

Жестокости надъ ранеными.

25 августа вечеромъ, кюрэ Рэмбрэвиля, аббатъ Дэни, ухаживалъ за поручикомъ Тусэнъ, который только въ истекшемъ іюлѣ первымъ окончилъ лѣсную школу. Будучи раненъ и упавъ на полѣ битвы, молодой офицеръ получилъ штыковые удары отъ всѣхъ проходившихъ мимо него нѣмецкихъ солдатъ. Тѣло его изрѣшетено было ранами отъ головы до пятъ.

Въ нансійскомъ госпиталѣ мы сами видѣли рядового *** пѣхотнаго полка, Вуайе, который еще носилъ слѣды германскаго варварства. Будучи тяжело раненъ въ спинной хребетъ и лишившись владѣнія обѣими своими ногами, онъ палъ 24 августа на опушкѣ лѣса Шампну и остался распростертымъ на землѣ, внизъ лицомъ. Одинъ нѣмецкій солдатъ грубо повернулъ его своимъ ружьемъ и нанесъ ему три удара прикладомъ по головѣ. Другіе проходившіе солдаты тоже били его прикладами или ногами. Наконецъ, кто то изъ нихъ, однимъ ударомъ нанесъ ему, при помощи какого то инструмента, котораго этотъ несчастный не могъ разсмотрѣть, но который,—по мнѣнію главнаго врача и профессора нансійскаго факультета, доктора Вейса,—вѣроятно,

былъ ножницы, двѣ раны сантиметра на три или четыре ниже каждаго глаза.

Одинъ гусаръ, за которымъ ходилъ тотъ же докторъ, разсказывалъ ему, что когда, при паденіи со своей лошади, онъ сломалъ себѣ ногу и не могъ высвободиться изъ подъ коня, на него напали уланы и украли у него его часы и цѣпочку; а одинъ изъ нихъ, кромѣ того, отнялъ у него его же карабинъ и разрядилъ его ему въ глаза.

Семеро солдатъ, которыхъ лечилъ тотъ же докторъ Вейсъ, подтвердили ему, что видѣли, какъ непріятель приканчивалъ раненыхъ, оставшихся на мѣстѣ боя. Когда же они, чтобы избѣжать избіенія, прикинулись мертвыми, то нѣмцы, что бы узнать, не живы ли они, нанесли имъ удары прикладами.

Въ томъ же самомъ госпиталѣ, одинъ раненый въ животъ нѣмецкій солдатъ, открылъ доктору Ромеру, что его ранилъ изъ револьвера его же офицеръ за то, что онъ отказался приканчивать французскихъ раненыхъ. Наконецъ, другой нѣмецъ, раненый въ спину огнестрѣльнымъ выстрѣломъ, заявилъ доктору Вейсу, что въ него, по приказу офицера, выстрѣлилъ ихъ же солдатъ въ наказаніе за то, что онъ перенесъ въ лежавшую по близости отъ мѣста сраженія деревню, многихъ раненыхъ изъ французской арміи.

25 августа въ Энво, нѣмцы съ 300 метровъ разстоянія открыли огонь по главному врачу *** колоніальнаго полка, доктору Миле, когда онъ съ помощью двухъ санитаровъ дѣлалъ перевязку лежавшему на носилкахъ раненому. Такъ какъ онъ былъ обращенъ къ нимъ лѣвой стороной, то они от-

лично видѣли его перевязь на рукѣ. Впрочемъ, они и не могли ошибаться насчетъ характера той работы, которою заняты были эти трое людей.

Въ тотъ же самый день, и того же полка, капитанъ Перо замѣтивъ, что подъ огонь его пулемета попало отдѣленіе солдатъ въ красныхъ шароварахъ, приказалъ остановить огонь. И это отдѣленіе тотчасъ же открыло огонь по немъ и по его солдатамъ: оно состояло изъ переодѣтыхъ нѣмцевъ.

Благоволите принять, господинъ Президентъ, увѣренія въ нашей почтительной преданности.

Парижъ,
17 декабря 1914 г.

Президентъ *Ж. Пэйель.*
Арманъ Моляръ.
Ж. Марэнже.
Докладчикъ *Пайо.*

———

Того-же переводчика

ОНИ НЕ ЗНАЛИ... Обличительный памфлетъ. *Людовика Нодо* (распродано) . . . . 20 к.

ПИСЬМА О ВОЙНѢ СЪ ЯПОНІЕЙ. Впечатлѣнія военнаго корреспондента. *Людовика Нодо*. . . . . . 1 р.

ИЗЪ ВРАЖЕСКАГО СТАНА. Наблюденія военнаго корреспондента при японской арміи. *Рэжиналя Кана*. 40 к.

ПЕРЕДЪ ВОЙНОЙ. Разоблаченія германскаго шпіонства. *Леона Додэ*. . . . . 1 р.

НѢМЕЦКОЕ ШПІОНСТВО ВО ФРАНЦІИ. Разоблаченія. *Поля Лянуаръ* . . . . 1 р.

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛЬГІЯ. Очерки матеріальнаго прогресса. *Инж. Изара*. . . . . 1 р. 25 к.

КОНЕЦЪ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ. По нѣмецкимъ предсказаніямъ собраннымъ *Ляворъ*. . . . . 75 к.

ОРГАНИЗОВАННЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ ГЕРМАНСКОЙ АРМІИ. Оффиціальный докладъ французской слѣдственной коммиссіи . . . . 75 к.

СѢРАЯ КНИГА. Бельгійскіе дипломат. документы о войнѣ 1914 г. . . . . 50 к.

ЖЕЛТАЯ КНИГА. Французск. диплом. документы о войнѣ 1914 г. . . . . 1 р. 25 к.

ХРИСТІАНЕ-МНОГОЖЕНЦЫ. Быт. очеркъ. *Жюля Гюрэ* . . . . 40 к.

ВЪ АМЕРИКѢ. Путевые очерки. *Жюля Гюрэ*. . . 1 р.

МАРТА БАРАКЭНЪ. Реалистич. романъ *Ж. Рони*. 1 р.

Монографіи

ЧТО ТАКОЕ ФРАНЦІЯ. Очерки современности. . . . . 1 р. 25 к.

АРМЕНІЯ, ея прошлое, природа, населеніе и пр. (печатается).

ГАЛИЧИНА, ея исторія, природа, населеніе, богатства и пр. VIII+123 стр. съ 31 рис. план. и пр. . . . . . . 60 к.

ГИДЫ

ПАРИЖЪ, БЕРЛИНЪ, ЛОНДОНЪ, РИМЪ и др.

Со множествомъ иллюстрацій, плановъ, картъ, чертежей и съ дорожными переводчиками для незнающихъ иностранныхъ языковъ.

Складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО. Петр-дъ, Колокольная, 14.

